

Похититель поцелуев

Автор:

Л. Дж. Шэн

Похититель поцелуев

Л. Дж. Шэн

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн Колледж #5

Говорят, свой первый поцелуй нужно заслужить.

Мой был украден демоном в маске под черным небом Чикаго.

Говорят, клятвы, которые мы даем, священны.

Мои были нарушены, едва часы пробили полночь.

Говорят, мы отдаем сердце только одному человеку.

Мое расколосось надвое. Мечты о счастливом будущем рядом с любимым, еще в детстве ставшим лучшим другом, разбились на миллион осколков. И теперь рядом со мной тот, кого я вижу в ночных кошмарах.

Говорят, у каждой истории должен быть счастливый конец?

Как бы не так.

Один поцелуй.

Два сердца.

Три жизни.

Одна судьба.

Л. Дж. Шэн

Похититель поцелуев

L.J. Shen

THE KISS THIEF

Copyright © 2019. THE KISS THIEF by L.J. Shen

© Конова В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

«Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро».

Лев Толстой, «Крейцера соната»

Посвящается Бриттани Даниэль Кристине, Джеки Чек Мартин и сильным женщинам по всему миру. Мы можем быть ими, воспитать и поддерживать их.

Плей-лист

«Young and Beautiful» – Lana Del Rey

«Take Me to Church» – Hozier

«Young God» – Halsey

«Can't Truss it» – Public Enemy

«Back to Black» – Amy Winehouse

«Nothing Compares 2 U» – Sinead O'Connor

«Everybody Wants to Rule the World» – Tears for Fears

«I'm Shipping Up to Boston» – Dropkick Murphys

Говорят, свой первый поцелуй нужно заслужить.

Мой был украден демоном в маске под черным небом Чикаго.

Говорят, клятвы, которые мы даем, священны.

Мои были нарушены, едва часы проббили полночь.

Говорят, мы отдаем сердце только одному человеку.

Мое расколосось надвое.

Я должна была стать женой Анджело Бандини, наследника одной из самых влиятельных семей чикагской мафии. Но все изменил сенатор Вулф Китон, знавший достаточно грехов моего отца, чтобы заставить меня выйти замуж за него.

Говорят, у каждой истории должен быть счастливый конец?

Как бы не так.

Я, Франческа Росси, обнаружила, что стираю и переписываю свою до самой последней главы.

Один поцелуй.

Два сердца.

Три жизни.

Одна судьба.

И где-то между этими двумя мужчинами мне пришлось найти свою вечность.

Пролог

Я Франческа Росси, и весь ужас в том, что мое будущее заперто в старой, непримечательной деревянной шкатулке.

С тех самых пор, как в шесть лет узнала о ее существовании, я понимала: что бы ни скрывалось внутри, содержимое либо убьет, либо спасет меня. Поэтому неудивительно, что вчера на рассвете, когда солнце поцеловалось с небом, я решила поторопить судьбу и открыла коробку.

Я не должна была знать, где моя мать хранит ключ.

Не должна была знать, где отец прячет шкатулку.

Но что делать, когда целыми днями сидишь дома и до изнеможения заботишься только о своей внешности, чтобы соответствовать почти невозможным требованиям своих родителей? Времени становится в избытке.

– Франческа, не дергайся, или уколую тебя иголкой, – заныла снизу Вероника.

Я в сотый раз пробежалась глазами по пожелтевшей бумажке, пока мамин стилист помогала мне, как какому-нибудь инвалиду, влезть в платье. Я зафиксировала в памяти написанные слова и мысленно заперла их в самом укромном уголке, куда никто не смог бы добраться.

Радостное волнение разливалось по венам, как джазовая мелодия, и я видела, какой решимостью горят мои глаза в отражении зеркала. Дрожащими пальцами я сложила бумажку и засунула ее в декольте под расшнурованный корсет.

Слишком окрыленная, чтобы неподвижно стоять на месте, я вновь принялась мерить шагами комнату, заставляя маминых парикмахера и стилиста с недовольными криками гоняться за мной по всей примерочной.

Я – Граучо Маркс в «Утином супе»[1 - Американский фильм-буффонада с участием четырех братьев актеров Маркс, вышедший в 1933 году.]. Поймайте меня, если сможете.

Вероника дернула меня за край корсета и утянула, будто за поводок, назад к зеркалу.

– Эй, полегче, – поморщилась я.

– Замри, я сказала!

Я привыкла, что работники моих родителей обходятся со мной как с расфуфыренным породистым пуделем. Но это неважно. Потому что сегодня я намеревалась поцеловать Анджело Бандини. А точнее, я намеревалась разрешить ему поцеловать меня.

Скажи я, что не помышляла о поцелуе с Анджело каждую ночь с тех пор, как год назад вернулась из швейцарской школы-интерната, куда меня запихнули родители, то соврала бы. Мне исполнилось девятнадцать, так что Артур и София Росси решили официально вывести дочь в светское общество Чикаго и позволили ей выбрать будущего супруга из попадающих под определенные требования итало-американских мужчин, связанных с мафией. Сегодняшний вечер станет точкой отсчета для череды важных мероприятий и светских визитов, но я и без того знала, за кого хочу замуж.

Родители уведомили меня, чтобы на колледж я даже не рассчитывала. Будучи единственным ребенком и наследницей всего состояния Росси, мне следовало озаботиться поиском идеального мужа. И пускай я мечтала стать первой в семье женщиной, получившей диплом, у меня хватало ума не перечить родителям. Клара, наша горничная, частенько говаривала: «Фрэнки, тебе не обязательно искать мужа. Главное – оправдать надежды родителей».

Она была права. Я родилась в золотой клетке. Просторной, но все же запертой, и попытки к бегству могли стоить мне жизни. Быть узницей мне не нравилось, но я полагала, что лучше так, чем оказаться в могиле. И потому никогда не осмеливалась выглянуть сквозь решетку своей темницы, чтобы посмотреть, что происходит на воле.

Мой отец, Артур Росси, был боссом Чикагского синдиката. Для мужчины, который заплетал мне косы, учил играть на фортепьяно и даже пролил одинокую слезинку на моем выступлении в Лондоне, где я играла перед тысячами зрителей, этот титул звучал до боли свирепым.

Анджело, как вы уже догадались, в глазах моих родителей был идеальным мужем. Обаятельный, состоявшийся и очень богатый. Его семье принадлежала половина зданий в Юниверсити-Виллидж[2 - Район в Маленькой Италии – собирательное название кварталов, где проживают итальянские эмигранты.], и большую их часть мой отец использовал для своих многочисленных незаконных дел.

Я знала Анджело с рождения. Мы росли на глазах друг у друга, как распускающиеся цветы. Медленно, но вместе с тем быстро. Во время роскошных летних каникул, под строгим надзором наших родных, членов «семьи» и телохранителей.

У Анджело было четыре брата, две собаки и улыбка, от которой растаяло бы и итальянское мороженое. Его отец руководил бухгалтерской фирмой, работающей на мою семью, и каждый год мы оба проводили каникулы на Сицилии, в Сиракузах.

На протяжении долгих лет я наблюдала, как темнеют и укрощаются стрижкой мягкие светлые кудри Анджело. Как его сияющие, словно голубой океан, глаза теряют игривость, становясь угрюмыми и жестокими после того, чему, без сомнений, научил его отец. Как его голос становится низким, итальянский акцент – резче, а щуплое мальчишеское тело обрастает мускулами, ростом и уверенностью. Анджело стал загадочнее, не таким импульсивным и отныне говорил реже, но каждый раз от его голоса таяло мое сердце.

Любовь так трагична. Неудивительно, что она заставляет людей грустить.

И пока я смотрела в глаза Анджело, которые были способны растопить мороженое, то оказалась не единственной, кто млел под его извечно хмурым взглядом.

Мне было тошно при мысли, что я вернусь в свою католическую школу для девочек, а он уедет в Чикаго веселиться, болтать и целоваться с другими девушками. Но с Анджело я всегда чувствовала себя той самой. Он украдкой вплетал мне в волосы цветы, разрешал отпить вина из его бокала, когда никто не видел, и смеялся глазами, что бы я ни говорила. Когда меня дразнили его младшие братья, он давал им по ушам и приказывал держаться подальше. И каждое лето находил возможность улучшить минутку и поцеловать меня в кончик носа.

– Франческа Росси, с прошлого лета ты стала еще прекраснее.

– Ты всегда так говоришь.

– И всегда искренен. Я не имею привычки бросать слова на ветер.

– Тогда скажи мне что-нибудь значимое.

– Моя богиня, в один прекрасный день ты станешь моей женой.

Каждый летний эпизод я лелеяла так, словно он был неприкосновенным садом, оберегала его с тайной любовью и поливала до тех пор, пока эти мгновения не превратились в коллекцию сказочных воспоминаний.

Но сильнее всего в памяти укоренилось то, с каким трепетом я каждое лето ждала, когда он тайком проберется ко мне в комнату, или в магазин, куда я уходила за покупками, или к дереву, под которым читала книгу. Как с годами, по мере нашего взросления и вступления в пору юности, он начал растягивать наши «мгновения», с нескрываемым весельем наблюдая, как я безуспешно пыталась сойти за «своего парня», хотя было совершенно ясно, что я абсолютная девчонка.

Я как раз засунула записку поглубже, когда Вероника впилась мясистыми пальцами мне в кожу цвета слоновой кости, собрала за спиной корсет и затянула его вокруг моей талии.

– Хорошо бы снова стать девятнадцатилетней и прекрасной, – мелодраматично взревела она.

Кремовые шелковистые тесемки натянулись, и я ахнула. Только верхушка итальянской мафии для подготовки к балу до сих пор пользовалась услугами стилистов и горничных. Но, по мнению моих родителей, мы были Виндзорами.

– Помнишь те деньки, Альма? – спросила Вероника.

Парикмахер фыркнула, фиксируя мою челку сбоку и закрепляя на макушке волнистый пучок.

– Милая, спустись с небес на землю. В девятнадцать ты была хороша как поздравительная открытка от «Холлмарк». Франческа же – «Сотворение Адама»[3 - Фреска на потолке Сикстинской капеллы в Ватикане, написанная Микеланджело.]. Разные классы. Даже разные положения.

Я вспыхнула от смущения. Чувствовалось, что людям нравится на меня смотреть, но меня ужасало само представление о красоте. Красота обладала могуществом, но была переменчива. Красиво завернутый подарок, который однажды я непременно потеряю, поэтому мне не хотелось разворачивать его или соблазняться его привилегиями. Это лишь затруднило бы наше расставание.

Анджело – единственный, чьего внимания я бы сегодня хотела, когда появлюсь на бале-маскараде в Чикагском институте искусств. Темой торжества были боги и богини из греческой и римской мифологии. Я знала, что большинство женщин покажутся в образах Афродиты или Венеры. Возможно, Геры или Реи, если им импонирует оригинальность. Но не я. Я – Немезида, богиня возмездия. Анджело всегда называл меня божеством, и сегодня я намеревалась заявить права на это звание, придя в образе самой могущественной богини.

В двадцать первом веке мое желание в девятнадцать лет заключить брак по расчету могло показаться глупым, но в Синдикате мы все подчинялись традициям. И так вышло, что наши обычаи прочно укоренились еще в начале девятнадцатого века.

– Что было в записке? – Вероника прикрепила к моей спине поверх платья пару бархатных черных крыльев. Оно было без бретелей, цвета ясного летнего неба, с ракушками из бесподобной голубой органзы. Сзади струился шлейф, растекаясь, как океан, у ног моих помощниц. – Ну в той, что для сохранности ты спрятала в корсете. – Она хихикнула, вдевая мне в уши золотые серьги в виде перьев.

– Это, – торжественно улыбнулась я, встретившись с ней взглядом в отражении, и положила руку на грудь, где покоилась записка, – начало оставшегося отрезка моей жизни.

Глава первая

Франческа

– Не знал, что у Венеры были крылья.

Стоя на пороге Чикагского института искусств, Анджело поцеловал мою руку. Сердце екнуло, но я подавила бессмысленную досаду. Он всего лишь подтрунивает надо мной. Кроме того, сегодня Анджело был так ослепительно красив в своем смокинге, что я смогла бы простить ему любую оплошность, кроме хладнокровного убийства.

На бал мужчины, в отличие от женщин, надели смокинги и полумаски. Анджело дополнил свой костюм венецианской маской с золотыми листьями, которая почти полностью закрывала ему лицо. Наши родители стояли рядом и обменивались любезностями, внимательно изучая каждую веснушку и прыщик друг друга. Я не стала объяснять Анджело, что на мне костюм Немезиды. У нас еще будет время обсудить мифологию – целая жизнь. Мне лишь нужно удостовериться, что сегодня мы сможем найти подходящий момент для еще одного летнего «мгновения». Только на сей раз, когда он поцелует меня в нос, я подниму голову и скреплю наши губы и судьбу воедино.

Я – Купидон, посылающий стрелу любви в самое сердце Анджело.

– С нашей последней встречи ты стала еще прекраснее. – Анджело сжал ткань своего костюма там, где билось его сердце, делая вид, что покорен.

Все вокруг умолкли, и я заметила, что наши отцы заговорщицки переглянулись. Две могущественные, богатые итало-американские семьи с крепко установившимися связями. Дон Вито Корлеоне гордился бы.

– Ты видел меня неделю назад на свадьбе Джианны. – Я подавила желание облизнуть губы, видя, как Анджело не сводит с меня глаз.

– Свадьбы идут тебе на пользу, но еще больше тебе подойдет моя компания, – просто сказал он, отчего мое сердце гулко забилося, и обратился к моему отцу: – Мистер Росси, могу я сопроводить вашу дочь к столу?

Отец сжал мое плечо. Я довольно смутно ощущала его присутствие за спиной, поскольку меня поглотил густой туман эйфории.

– Держи руки так, чтобы я их видел.

– Всегда, сэр.

Мы с Анджело сплели наши руки, и один из дюжины официантов проводил нас к столу, накрытому золотистой скатертью и украшенному тонким черным фарфором. Анджело наклонился и прошептал мне на ухо:

– Во всяком случае, до тех пор, пока ты не станешь официально моей.

К моему великому разочарованию, но не удивлению, Росси и Бандини сидели поодаль друг от друга. Отец всегда находился в центре любой вечеринки и отваливал кучу денег, чтобы получить лучшие места. Напротив меня губернатор Иллинойса, Престон Бишоп, и его жена изъевляли беспокойство по поводу винной карты. Рядом с ними сидел незнакомый мне мужчина в простой черной полумаске и в смокинге, который, судя по дорогой ткани и безупречному крою, наверняка стоил целое состояние. Возле мужчины сидела шумная блондинка в белом платье из французского тюля. Одна из десятков Венер, пришедших в одинаковых костюмах.

На лице мужчины застыла смертельная скука. Он вращал бокал с виски и совершенно не обращал внимания на свою спутницу. Когда она наклонилась и предприняла попытку заговорить с ним, он отвернулся и посмотрел на свой телефон, после чего полностью потерял интерес к происходящему и уставился на стену за моей спиной.

Меня пронзила печаль. Женщина не заслужила такого обращения. Она была достойна большего, чем холодный, явно опасный мужчина, от которого по спине бегут мурашки, даже когда он на вас не смотрит.

Держу пари, рядом с ним мороженое оставалось бы холодным круглыми сутками.

– Вижу, вы с Анджело увлечены друг другом, – между делом заметил папа, поглядывая на мои локти, лежащие на столе. Я тотчас же убрала их и вежливо улыбнулась.

– Он милый, – я бы сказала «супермилый», но отец совершенно не приемлет современный сленг.

– Он подходил, – отрывисто произнес папа. – И спросил, можно ли пригласить тебя куда-нибудь на следующей неделе. Я согласился. Под присмотром Марио, разумеется.

Ну разумеется. Марио был одним из многочисленных папиных верзил. Он обладал телосложением и уровнем интеллекта бетонного блока. Я подозревала,

что сегодня папа не спустит с меня глаз как раз потому, что знал: мы с Анджело слишком уж хорошо ладим. В основном он поддерживал меня, но хотел, чтобы все подчинялось определенным правилам. Правилам, которые большинство моих ровесников нашли бы дремучими, а может, и почти варварскими. Я не была глупой и знала, что рою себе яму, не сражаясь за право получить образование и пойти работать. И знала, что только мне стоит решать, за кого я хочу выйти замуж.

Но, помимо прочего, я понимала, что такой уж у него способ и образ жизни. За свободу полагалось платить – мне пришлось бы оставить семью, а семья была моим миром.

Помимо традиций, чикагская мафия сильно отличалась от той версии, что изображали в кино. Никаких грязных переулков, мерзких наркоманов и кровавых сражений с представителями закона. В наше время все вертелось вокруг отмывания денег, слияния и поглощения компаний, а также перераспределения средств. Отец, не таясь, любезничал с полицией, вращался в кругу высокопоставленных политиков и даже помогал ФБР с поимкой особо ценных подозреваемых.

Собственно, именно поэтому сегодня мы здесь и оказались. Папа согласился пожертвовать шокирующую сумму благотворительному фонду, помогающему молодежи из группы риска получать высшее образование.

Ох, ирония – мой верный друг.

Я потягивала шампанское и смотрела на другой конец стола, где Анджело вел беседу с девушкой по имени Эмили, отцу которой принадлежал самый большой бейсбольный стадион в Иллинойсе. Анджело рассказывал ей, что собирается поступать в магистратуру Северо-западного университета и параллельно работать в бухгалтерской фирме своего отца. Истина в том, что он, скорее, собирался отмывать деньги для моего отца и служить Синдикату до конца своих дней. Я рассеянно слушала их разговор, когда губернатор Бишоп вдруг обратил на меня внимание:

– А ты, малышка Росси? Поступила в колледж?

Люди рядом с нами общались и смеялись, кроме сидящего напротив мужчины. Он по-прежнему не замечал свою спутницу, а вместо этого попивал из стакана, игнорируя телефон, на экране которого вспыхивали новые уведомления. Теперь же, взглянув в мою сторону, он как будто смотрел сквозь меня. Словно в тумане, я задумалась, сколько ему лет. Мужчина казался старше меня, но был явно моложе папы.

– Я? – Замерев в напряжении, я вежливо улыбнулась и расправила на коленях салфетку. Мои манеры были безупречны, а в бессмысленных беседах мне почти не было равных. В школе я изучала латынь, этикет и общую подготовку, так что умела развлечь любого: от мировых лидеров до куска пережеванной жвачки. – О, я окончила школу год назад. Сейчас работаю над расширением круга общения и обзавожусь связями здесь, в Чикаго.

– Иными словами, вы не работаете и не учитесь, – скучающим тоном прокомментировал мужчина напротив, со стуком поставил стакан на стол и бросил в сторону моего отца ехидную ухмылку.

Я почувствовала, как от стыда стали гореть уши, и посмотрела на отца, ожидая помощи. Он, похоже, не услышал, поскольку это высказывание осталось без ответа.

– Боже милостивый, – зардевшись, забрюзжала на грубого мужчину блондинка, но он от нее отмахнулся.

– Мы же в кругу друзей. Никто не будет о таком распространяться.

Распространяться? Кто он, черт возьми, такой?

Я встrepенулась и сделала глоток шампанского.

– Безусловно, у меня есть и другие занятия.

– Поделитесь с нами, – с глумливым восхищением поддел он. За нашей половиной стола повисло молчание. Напряженное. Предвещающее о приближении крайне неловкого момента.

– Я люблю благотворительность...

– Это даже не деятельность. Чем вы занимаетесь?

Глаголы, Франческа. Употребляй глаголы.

– Я катаюсь верхом и обожаю садоводство. Играю на фортепьяно. Я... о, покупаю все, что мне необходимо.

Я все портила и понимала это. Но мужчина не позволял перевести разговор на другую тему, и никто больше не вмешивался, чтобы меня выручить.

– Вы перечислили хобби и роскошь. Какой вы вносите вклад в общество, мисс Росси, кроме того, что поддерживаете нашу экономику, покупая столько одежды, что хватило бы на всю Северную Америку?

Столовые приборы с шумом приземлились на дорогой фарфор. Женщина ахнула. Все резко перестали болтать.

– Довольно, – прошипел ледяным тоном отец, пронзая мужчину жестким взглядом.

Я вздрогнула, но мужчина в маске оставался невозмутимым. Не дрогнул, а, скорее, наоборот – беспечно радовался сменившемуся курсу беседы.

– Склонен согласиться, Артур. Думаю, я узнал о вашей дочери все, что можно. Да еще и за минуту.

– Вы забыли дома свои дипломатические и государственные обязанности вместе с хорошими манерами? – подметил мой всегда воспитанный отец.

– Напротив, мистер Росси, – хищно усмехнулся мужчина. – Я очень хорошо о них помню, к вашему скорому превеликому разочарованию.

Престон Бишоп и его супруга замяли эту социальную катастрофу, задавая еще больше вопросов о моем детстве в Европе, моих сольных концертах и о том, что я хотела бы изучать (ботанику, но мне хватило ума не упоминать, что учеба в

колледже для меня не предусмотрена). Родители улыбались, видя мое безукоризненное поведение, а женщина, сидящая рядом с неотесанным незнакомцем, даже влилась в беседу, рассказывая о путешествии в Европу во время ее академического отпуска. Она была журналисткой и объездила весь мир. Но какой бы милой она ни казалась, я не могла избавиться от чувства ужасного унижения, которому подверглась благодаря острому языку ее спутника. А он, кстати говоря, вновь с выражением невыразимой скуки уставился на дно в очередной раз наполненного бокала.

Я подумывала сообщить ему, что чудеса может сотворить не очередной стакан с алкоголем, а помощь специалиста.

После ужина пришло время танцев. У каждой женщины из числа приглашенных была танцевальная карточка с именами тех, кто сделал тайную ставку, и вся прибыль шла на благотворительные нужды.

Я подошла к длинному столу, чтобы проверить свою карточку, и увидела имена женщин, которые согласились участвовать. Сердце забило еще быстрее, стоило мне заметить имя Анджело. Но веселое настроение вскоре сменилось ужасом, когда я поняла, что моя карточка – намного длиннее, чем те, что лежали рядом, – была под завязку заполнена фамилиями, похожими на итальянские. Скорее всего, остаток вечера я проведу, танцуя до упаду. Улизнуть для поцелуя с Анджело будет непросто.

Мой первый танец был с федеральной судьей. Второй – с ярым повесой итало-американского происхождения, который поведал, что специально прилетел из Нью-Йорка, чтобы лично увидеть, верны ли слухи о моей красоте. Он поцеловал подол моего платья, как средневековый герцог, и друзья уволокли его пьяное тело назад к столу. Я мысленно простонала, моля о том, чтобы он не спрашивал разрешения у моего отца на свидание. Он напоминал богатого козла, который превратил бы мою жизнь в некое подобие «Крестного отца». Третий танец отошел губернатору Бишопу, а четвертый – Анджело. Это был относительно короткий вальс, но я не позволила этому обстоятельству испортить мне настроение.

– А вот и она, – просиял Анджело, подходя к нам с губернатором для нашего танца.

Люстры ярко освещали зал, а мраморный пол гудел от звуков цокающих каблучков танцующих. Анджело наклонил голову и взял меня за руку, положив вторую на талию.

– Выглядишь прекрасно. Даже прекраснее, чем два часа назад, – прошептал он, и я почувствовала на лице его теплое дыхание. Сердце затрепетало, как крошечные бархатистые крылья бабочки.

– Приятно слышать, потому что в этом наряде уже задыхаюсь, – засмеялась я и лихорадочно заглянула ему в глаза. Я понимала, что сейчас он не может меня поцеловать, и стремительно возникшее чувство тревоги убило всех бабочек в моем животе. А если нам и вовсе не удастся остаться наедине? Тогда записка окажется бесполезной.

Та деревянная шкатулка либо спасет, либо убьет меня.

– Я бы с удовольствием делал тебе искусственное дыхание каждый раз, когда будет не хватать воздуха. – Анджело изучал мое лицо и резко сглотнул. – Но, если ты согласна, лучше начнем с банального свидания на следующей неделе.

– Я согласна, – слишком быстро ответила я. Он засмеялся и прислонился своим лбом к моему.

– Хочешь узнать когда?

– Когда мы встретимся? – глупо переспросила я.

– И это тоже. Кстати, в пятницу. Но я хотел сказать: когда именно я понял, что ты станешь моей женой, – без тени смущения пояснил Анджело.

Я с трудом заставила себя кивнуть. Вместо этого мне хотелось кричать. В следующий момент я ощутила, как его рука сжимает мою талию, и поняла, что потеряла равновесие.

– В то лето тебе исполнилось шестнадцать. Мне было двадцать. Раствитель малолетних, – рассмеялся он. – Мы тогда запоздали с приездом в наш коттедж на Сицилии. Я катил чемодан вдоль реки мимо наших смежных домиков и

заметил, как ты плетешь венок на пирсе. Такая красивая и воздушная, ты улыбалась цветам, и мне не хотелось разрушать эти чары, заговаривая с тобой. А потом ветер унес цветы, и ты, не раздумывая, стремглав прыгнула в реку и вытащила их все, хотя знала, что они не выживут. Почему ты так поступила?

- Это был день рождения моей матери, - призналась я. - Я не терплю неудач. К слову, венок получился красивым.

Я опустила взгляд на пропадающие между нами сантиметры.

- Не терпишь неудачи, - задумчиво повторил Анджело.

- В тот день ты поцеловал меня в нос в туалете ресторана, - напомнила я.

- Помню.

- А сегодня ты собираешься украсть этот поцелуй? - спросила я.

- Фрэнки, я бы не стал у тебя его красть. Я предпочту выкупить твой поцелуй за полную стоимость до последнего пенни, - добродушно возразил он и подмигнул мне. - Но, боюсь, учитывая твою до ужаса заполненную карточку и мои обязанности, вынуждающие меня общаться со всеми членами «семьи», которым повезло урвать приглашение на это празднество, возможно, поцелуй нам придется отложить. Не волнуйся. Я уже предупредил Марио, что щедро одарю его чаевыми, если в пятницу он не станет торопиться, забирая машину у парковщика.

Легкая тревога теперь развернулась настоящим ужасом. Если Анджело не поцелует меня сегодня, то предсказание в записке пропадет зря.

- Пожалуйста. - Я постаралась улыбнуться более радостно в попытке спрятать свой ужас за пылкостью. - У меня ноги сводит.

Он прикусил кулак и засмеялся.

- Сколько намеков с сексуальным подтекстом, Франческа.

Я не знала, то ли мне плакать от отчаяния, то ли кричать от разочарования. Наверное, и то и другое. Песня еще не закончилась, но мы продолжали покачиваться в объятиях друг друга, усыпленные таинственными чарами, пока я не почувствовала на оголенном участке спины крепкую руку.

– Полагаю, сейчас моя очередь, – раздался громкий голос. Насупившись, я развернулась и увидела того грубого мужчину, смотрящего на меня через свою черную маску.

Он был высоким, ростом около двух метров, с непокорными чернильно-черными волосами, зачесанными назад до волнующего совершенства. Поджарое крепкое тело было грациозным и вместе с тем массивным. Его серые, как галька, глаза были зловеще сощурены, а чересчур квадратный подбородок и пухлые губы придавали его привлекательной наружности суровый вид. На губах у него застыла презрительная равнодушная ухмылка, которую мне немедленно захотелось стереть пощечиной. Очевидно, его по-прежнему веселила та чепуха, что я наговорила за столом. И судя по тому, что половина зала теперь глазела на нас с нескрываемым интересом, у нас были зрители. Женщины смотрели на него как хищные акулы в аквариуме, а мужчины открыто забавлялись.

– Не лезьте к ней, – сердито прорычал Анджело, когда заиграла новая песня и ему пришлось выпустить меня из объятий.

– А вы не лезьте не в свое дело, – невозмутимо отчеканил мужчина.

– Вы точно указаны в моей карточке? – спросила я, повернувшись к нему с вежливой, но сдержанной улыбкой. После разговора с Анджело я плохо соображала, что происходит, как вдруг незнакомец притянул меня к своему крепкому телу и властно прижал ладонь к моей спине чуть ниже допустимого уровня, практически лапая меня за задницу.

– Отвечайте, – прошипела я.

– Самую высокую цену в вашей карточке обозначил я, – сухо ответил он.

– Заявки были анонимными. Вы не знаете, сколько заплатили другие. – Я поджала губы, стараясь не сорваться на крик.

– Я знаю, что они и близко не стоят с реальной ценой этого танца.

Невероятно, черт его подери.

Мы принялись вальсировать, а остальные пары не только кружились и вращались, но и успевали бросать на нас завистливые взгляды. Откровенно влюбленные взоры подсказывали, что пришедшая с ним на маскарад блондинка не является его женой. Возможно, я и была популярна в Синдикате, но грубый мужчина тоже пользовался большим спросом.

Я вела себя отстранено и чопорно, но мужчина, похоже, не замечал или не возражал. Он вальсировал лучше большинства мужчин, но его движения были техничны, а ему самому не доставало пыла и игривости Анджело.

– Немезида. – Он застал меня врасплох, раздевая алчным взглядом. – Источающая ликование и раздающая страдания. На мой взгляд, не подходит безропотной девице, что развлекала за столом Бишопа и его похожую на лошадь жену.

Я подавилась. Он только что назвал жену губернатора лошадью? А меня – безропотной? Я отвернулась, стараясь не замечать притягательный аромат его одеколona и ощущение его каменного тела.

– Немезида – мой культ. Это она заманила Нарцисса к реке, где он увидел свое отражение и умер от самолюбования. Гордыня – ужасный недуг. – Я одарила его ехидной улыбкой.

– Кое-кому из нас не помешало бы его подцепить. – Он оскалился, обнажая ровные белые зубы.

– Высокомерие и есть болезнь. Сочувствие – лекарство. Боги в большинстве своем не любили Немезиду, но лишь потому, что она обладала твердостью характера.

– А вы? – Мужчина приподнял темную бровь.

– Я?.. – Я захлопала глазами, и любезная улыбка стерлась с моего лица. Наедине со мной он вел себя еще грубее.

– Обладаете твердостью характера? – уточнил он.

Мужчина смотрел на меня так дерзко и внимательно, словно вдохнул в мою душу огонь. Мне хотелось выбраться из его объятий и окунуться в бассейн со льдом.

– Конечно, да, – оцепенев, ответила я. – И что за манеры? Вас воспитывали бешеные койоты?

– Приведите пример, – проигнорировав мою колкость, сказал он.

Я стала было выпутываться из его объятий, но мужчина дернул меня назад. Шикарный бальный зал отошел на задний план, и хотя я начала замечать, что мужчина, скрывающийся за маской, был на редкость красив, в глаза бросалось лишь его отвратительное поведение.

Я – боец, леди... и здравомыслящий человек, которому по силам одолеть этого ужасного мужчину.

– Мне очень нравится Анджело Бандини, – низким голосом призналась я, переводя взгляд на стол, за которым сидела семья Анджело. Мой отец, окруженный болтающими между собой членами мафии, сидел несколько поодаль и холодно наблюдал за нами. – Видите ли, в моей семье есть традиция, которой придерживалось десять поколений. Перед свадьбой невеста Росси должна открыть деревянную шкатулку – вырезанную и сделанную ведьмой, что жила в итальянской деревне моих предков, – и прочесть три записки, написанные для нее последней вышедшей замуж девушкой Росси. Это своего рода добрый заговор на удачу, талисман и немного гадание. Сегодня я выкрала эту шкатулку и развернула одну записку, чтобы поторопить судьбу. Она гласит, что сегодня меня поцелует человек, который станет любовью всей моей жизни, и, ну... – Я прикусила нижнюю губу и бросила тайком взгляд на пустой стул Анджело. Мужчина выжидающе смотрел на меня, словно я была фильмом на чужом и непонятном ему языке. – Сегодня я его поцелую.

– В этом и заключается ваша твердость характера?

- Когда у меня есть цель, я ее добиваюсь.

Его маска сморщилась, когда он бросил на меня высокомерный неодобрительный взгляд, словно говорящий мне, что я полнейшая кретинка. Но я посмотрела мужчине прямо в глаза. Отец научил меня, что лучший способ справиться с человеком вроде него – отразить удар, а не убегать. Потому что этот мужчина... бросится в погоню.

Да, я верю в эту традицию.

Да, мне плевать на ваше мнение.

И тут мне пришло в голову, что за этот вечер я выложила ему всю свою подноготную, но даже не удосужилась спросить его имя. Меня это не интересовало, но этикет требовал, чтобы я хотя бы притворилась.

- Забыла спросить, кто вы?

- Это потому что вам все равно, – язвительно заметил он.

Он смерил меня тем же молчаливым взглядом – просто само воплощение свирепой скуки. Я в ответ промолчала, потому что он сказал правду.

- Сенатор Вулф Китон, – резко бросил мужчина.

- Не слишком ли вы молоды для сенатора? – отпустила я ему комплимент исключительно ради того, чтобы увидеть, удастся ли растопить толстую корку надменности, которой он себя окружил. Некоторым людям просто необходимо крепкое объятие. Вокруг шеи. Погодите, я действительно подумываю придушить его. Это совсем другое.

- Тридцать. Исполнилось в сентябре. В ноябре был избран.

- Поздравляю. (Да плевать мне.) Должно быть, вы очень рады.

– Проклятье, да я на седьмом небе от счастья. – Вулф притянул меня ближе, прижимая к своему телу.

– Можно задать личный вопрос? – я откашлялась.

– Только если мне разрешено будет сделать то же самое, – выпалил он.

Я задумалась.

– Можно.

Он опустил голову, разрешая мне продолжить.

– Почему вы пригласили меня на танец и к тому же заплатили приличную сумму за сомнительное удовольствие, если и так понятно, что все, за что я радею, вы считаете никчемным и неприятным?

Впервые за весь вечер на его лице промелькнуло нечто, напоминающее улыбку. Она выглядела странной, почти иллюзорной, и я пришла к выводу, что он нечасто смеется. Если смеется вообще.

– Хотел убедиться лично, верны ли слухи о вашей красоте.

Опять. Я подавила порыв наступить ему на ногу. Какие же недалекие создания эти мужчины. Но я быстро вспомнила, что Анджело считал меня красивой задолго до этого дня. Когда я еще носила брекеты, нос и щеки покрывала россыпь веснушек, и я не умела укладывать свои непокорные темно-коричневого цвета волосы.

– Моя очередь, – сказал Вулф, никак не прокомментировав мою внешность. – Вы уже выбрали имена своим детям от Банджини?

Это был необычный вопрос. Тот, что, вне всякого сомнения, задан с целью поиздеваться надо мной. Я уже хотела развернуться и тотчас же уйти, но музыка начала стихать, и было бы глупо сдаваться в состязании, которое и так закончится в ближайшее время. Более того, все, что вылетает из моего рта, похоже, причиняет ему беспокойство. Для чего же портить идеальный выпад?

– Бандини. И да, по правде говоря, выбрала. Кристиан, Джошуа и Эммалин.

Ладно, возможно, пол я тоже уже выбрала. Вот что бывает, когда у тебя слишком много свободного времени.

Теперь незнакомец в маске улыбался во весь рот, и если бы я не чувствовала, как от гнева по моим венам течет чистый яд, то оценила бы по достоинству его ослепительную улыбку. Вместо того, чтобы склонить голову и поцеловать мне руку, как было указано в буклете маскарада, он шагнул назад и насмешливо отсалютовал мне:

– Спасибо, Франческа Росси.

– За танец?

– За экскурс.

После проклятого танца с сенатором Китонем вечер стал только хуже. Анджело сидел за столом в компании мужчин и был занят жарким спором, пока меня передавали из рук в руки. Мне приходилось улыбаться и поддерживать беседу, с каждой песней теряя надежду и рассудок. Абсурдность ситуации не давала мне покоя. Я украла деревянную шкатулку матери – украла в первый и последний раз, – чтобы прочитать записку и, собравшись с духом, открыть Анджело свои чувства. Если сегодня он меня не поцелует, если вообще никто не поцелует, значило ли это, что я обречена на жизнь без любви?

Через три часа после начала маскарада мне удалось улизнуть на улицу. Я остановилась на широких бетонных ступенях, чтобы вдохнуть свежий весенний воздух. Моему последнему партнеру по танцу пришлось уйти раньше, так как, к счастью, у его жены начались роды.

Я обхватила себя руками, бросив вызов чикагскому ветру и без конкретной причины грустно посмеиваясь. Мимо небоскребов промчалась такси, и прижавшаяся друг к другу парочка запетляла к пункту назначения.

Щелчок.

Прозвучало так, будто кто-то запер Вселенную. Фонари внезапно перестали гореть, и улица погрузилась во мрак.

Это был болезненно красивый вид: единственным источником света служил одинокий полумесяц над головой. Я почувствовала, как мою талию сзади обхватили руками. Прикосновение было уверенным и сильным, словно мужчины, который это сделал, знает мое тело.

Годами.

Я повернулась и увидела перед собой золотисто-черную маску Анджело. Воздух внезапно покинул легкие, тело превратилось в желе, и я с облегчением обмякла в его объятиях.

- Ты пришел, - прошептала я.

Он легонько коснулся моей щеки - еле заметно - и молча кивнул. Да. Наклонился и прижался ко мне губами. Сердце в груди запело. Не может быть. Сбылось.

Я схватила его за лацканы и притянула к себе. Не сосчитать, сколько раз в прошлом я представляла наш поцелуй, но ни разу не ожидала, что почувствую подобное. Он ощущался как дом. Как кислород. Как вечность. Его полные губы порхали над моими, делясь горячим дыханием. Он изучал, сжимал и кусал мою нижнюю губу, а потом, наклонив голову, начал яростно целовать. Анджело раскрыл рот и высунул язык, легонько коснувшись моего языка. Я ответила тем же. Он притянул меня к себе, медленно и с жаром пожирая меня, прижал ладонь к моей пояснице и зарычал мне в рот так, словно я была водой в пустыне. Я простонала и, не имея навыка, облизала каждый уголок его рта, чувствуя смущение, возбуждение и, что самое главное, свободу.

Свободу. В его объятиях. Освобождает ли что-то сильнее, чем ощущение себя любимой?

Я покачивалась, чувствуя себя защищенной в его руках, и целовала его добрых три минуты, после чего мой затуманенный разум начал приходить в чувство. От мужчины пахло виски, а не вином, которое Анджело пил на протяжении всего вечера. Он был значительно выше меня и, пусть и ненамного, выше Анджело. А потом в нос ударил запах лосьона после бритья, и я вспомнила ледяные глаза,

напоминающие гальку, грубую силу и порочную чувственность, которые ранее разожгли гнев внутри меня. Я медленно вдохнула и почувствовала, как обжигает внутренности.

Нет.

Я резко отпрянула и, отшатнувшись, запнулась о ступеньку. Он схватил меня за запястье и дернул на себя, предотвратив мое падение, но не предпринимая попытки возобновить наш поцелуй.

- Вы! - вскрикнула я дрожащим голосом.

Как нельзя вовремя зажглись уличные фонари, осветив резкие черты его лица.

У Анджело были квадратный подбородок и нежное лицо. А этот мужчина являл собой резкие черты и острые углы. Даже в маске он ни капли не походил на моего возлюбленного.

Как он это провернул? Зачем? Глаза наполнились слезами, но я удержалась. Мне не хотелось доставлять удовольствие этому совершенному незнакомцу своим крахом.

- Как вы посмели, - тихо сказала я и, чтобы удержаться от крика, прикусила щеку с такой силой, что рот наполнился теплой кровью.

Он сделал шаг назад и снял маску Анджело, бросив ее на ступени так, словно она была заразной. Одному богу известно, как он ее заполучил. Его лицо без маски открылось как произведение искусства. Свирепое и грозное, оно требовало моего внимания. Я шагнула в сторону, увеличивая расстояние между нами.

- Как? Легко. - Он вел себя так пренебрежительно и вдобавок заигрывал с нескрываемым высокомерием. - А вот умная девушка поинтересовалась бы зачем.

- Зачем? - фыркнула я, отвергая воспоминание о последних пяти минутах.

Меня поцеловал другой мужчина. Согласно семейной традиции, Анджело не станет моей истинной любовью. А вот этот подонок...

Настал его черед шагнуть в сторону. Широкой спиной он загораживал вход в музей, поэтому мне не удалось увидеть, кто там стоял с понуро опущенными плечами, открыв от удивления рот. На красивом лице Вулфа, не прикрытом маской, явно отражалось то, как он упивается развернувшейся на его глазах картиной.

Анджело бросил один-единственный взгляд на мои припухшие губы, развернулся и ушел, а Эмили бросилась за ним.

Вулф, больше не скрывая свое истинное «я», отвернулся и поднялся по лестнице. Когда он подошел к дверям, его спутница появилась как по сигналу. Китон взял ее за руку и повел за собой, не удостоив меня и взглядом, пока я чахла на каменной лестнице. Я услышала, как женщина что-то ему прошептала, он сухо ей ответил, и ее смех зазвенел в воздухе, как колокольчики.

Когда хлопнула дверь их лимузина, мои губы защипало так сильно, что мне пришлось дотронуться до них, чтобы убедиться, что он их не поджег. Свет отключился не случайно. Это сделал он.

Он погасил свет. Погасил мою силу.

Я выдернула из корсета записку и, бросив на ступени, принялась топтать ее, как бьющийся в истерике ребенок.

Вулф Китон похитил мой поцелуй.

Глава вторая

Франческа

Тем же вечером, куря сигарету и изучая каждую паутинку и изъясн на потолке своей спальни, я чувствовала, как внутри у меня все клокочет от гнева.

Это не более чем дурацкая, забавная традиция. И уж точно не научный факт. Безусловно, сбывались не все предсказания в записках. С Вулфом Китонем я наверняка виделась в первый и последний раз.

Впрочем, скоро мне придется встретиться с Анджело. Даже если он отменил наше свидание в следующую пятницу, в этом месяце будет много свадеб, празднований и общественных мероприятий, на которых нам предстояло присутствовать.

Наедине мне удастся с ним объяснить. Один идиотский поцелуй не сотрет многолетних словесных прелюдий. Мне даже удалось вообразить раскаяние Анджело, когда он узнает, что я целовалась с сенатором Китонем лишь потому, что приняла его за него.

Я потушила сигарету и закурила следующую, еле сдерживаясь, чтобы не схватить телефон и не отправить Анджело чересчур виноватое и полное отчаяния сообщение. Мне нужно обсудить случившееся с кузиной Андреа. Она жила на другом конце города и с двадцати лет была для меня единственным, пусть и не по своей воле, наставником в вопросах о противоположном поле.

Наступило утро, и небо заволочла розово-желтая завеса. На подоконник у моего окна взгромоздились птицы, заливая трелью наше поместье из белого камня.

Я прикрыла глаза рукой и поморщилась. Во рту стоял вкус пепла и обманутых надежд. Сегодня суббота, и мне нужно выбраться из дома прежде, чем матери взбредет что-нибудь в голову. Например, поход по магазинам в поиске дорогих платьев или допрос с пристрастием насчет Анджело Бандини. Невзирая на все безвкусные тряпки и обувь в моем гардеробе, по меркам итало-американской элиты, я была самой что ни на есть заурядной девицей. Приходилось играть отведенную роль, но ужасно бесило, что ко мне относятся как к ни на что не способной пустоголовой принцессе. Я почти не пользовалась косметикой и обожала, когда мои волосы были растрепанными. Шопингу и маникюру предпочитала катание верхом и садоводство. Любимым видом отдыха была игра на фортепьяно. А долгие часы в примерочной под оценивающими взглядами моей матери и ее подруг стали моим личным адом.

Я умыла лицо и надела черные бриджи, сапоги для верховой езды и белую куртку-пуловер. Потом спустилась на кухню, вытащила из пачки сигарету и закурила, проглотив две таблетки обезболивающего и медленными глотками запив их капучино. Из рта к потолку поднималась струйка голубого дыма, а я постукивала обгрызенными ногтями по обеденному столу и в очередной раз мысленно проклинала сенатора Китона. Вчера он имел дерзость обвинить меня в том, что я не только сама избрала такой образ жизни, но и люблю его. Китону даже в голову не пришло, что, быть может, я всего лишь примирилась с подобным существованием, предпочитая уже проигранным битвам те, из которых выйду победителем.

Понимая, что мне не позволят строить карьеру, я смирилась с этой душераздирающей действительностью. Так почему же не имею права заполучить то единственное, что по-прежнему желаю? Жизнь с Анджело – с единственным мужчиной из мафии, который мне действительно нравился.

Я слышала, как металась наверху мать, цокая каблуками, и как открылась старая скрипучая дверь в кабинет отца. Потом папа рявкнул что-то по-итальянски, а мать разревелась. Она не была по натуре плаксою, а отец не имел привычки говорить на повышенных тонах, поэтому и то, и другое пробудили во мне интерес.

Я обследовала первый этаж с кухней открытой планировки и огромной гостиной, выходящей на широкую террасу, и заметила Марио и Стефано, яростно шепчущихся на итальянском. Увидев меня, оба резко умолкли.

Я посмотрела на часы под потолком. Еще даже не было одиннадцати.

Вам знакомо ощущение приближающейся катастрофы? Первая встряска земли под ногами, первое дребезжание кофейной чашки на столе перед свирепым штормом? Именно такое чувство у меня сейчас и возникло.

– Фрэнки! – воскликнула мама неестественно высоким голосом. – Мы ждем гостей. Никуда не уходи.

Как будто я имела право просто встать и уйти. Это было предупреждением. По коже поползли мурашки.

– И кого же мы ждем? – крикнула я в ответ.

Я уже собралась подняться на второй этаж и спросить у родителей, что происходит, когда ответ на мой вопрос появился сам. Секунды не прошло, как раздался звонок в дверь.

Я резко ее распахнула и увидела на пороге своего новоиспеченного заклятого врага, Вулфа Китона, со злорадной ухмылкой на лице. Мне удалось узнать его без маски, хотя вчера он почти весь вечер ее не снимал. Какую бы сильную ненависть я ни питала к этому мужчине, его лицо забыть невозможно.

Надменный и раздражающе элегантный в своем клетчатом костюме и сшитом на заказ блейзере, Вулф ворвался в дом и медленно стряхнул с лоферов утреннюю росу. За ним хвостом плелись охранники.

– Немезида, – выплюнул он, словно это я его обманула. – Как ваше утро?

Благодаря тебе – дерьмово.

Разумеется, ему нет необходимости знать, как он повлиял на мое настроение. И без того дурно при мысли, что он лишил меня первого поцелуя с Анджело.

Не удостоив Вулфа взглядом, я закрыла дверь, приветствуя его дома так же, как встретила бы старуху с косой.

– Чудесно, сенатор Китон. Собственно, я хотела поблагодарить вас за вчерашний день, – упомянула я, натянув на лицо до ужаса вежливую улыбку.

– Правда? – он недоверчиво изогнул бровь и, сняв блейзер, передал одному из своих телохранителей, поскольку я не предложила его забрать.

– Да. Вы показали, каким не должен быть настоящий мужчина, подтвердив, что Анджело Бандини – подходящая для меня партия.

Не обращая на меня никакого внимания, охранник Вулфа повесил его пиджак на одну из вешалок. Телохранители Китона отличались от папиных: на них была настоящая униформа, а за плечами, скорее всего, военное прошлое.

– Вы подвели меня как джентльмен. Но как жулику ставлю вам «отлично». Весьма впечатляюще, – я показала ему два больших пальца.

– Вы забавная, – губы Вулфа сжались в тонкую полоску.

– А вы... – начала я, но он резко меня перебил.

– Я юрист и потому крайне нетерпим к праздной болтовне. Франческа, я бы с превеликой радостью поболтал о нашем наводящем тоску поцелуе, но мне нужно уделить внимание одному делу. Советую вам подождать, когда я закончу, потому что наш легкий обмен колкостями всего лишь тизер.

– Паршивый вышел тизер. Не удивлюсь, если фильм провалится.

Китон наклонился, вторгаясь в мое личное пространство, и потрепал меня за подбородок. Его серебристые глаза сияли как рождественская гирлянда.

– Сарказм – неподобающая черта для благовоспитанных барышень, мисс Росси.

– Кража поцелуев тоже не входит в мой список собственных джентльмену поступков.

– Немезида, вы очень охотно меня целовали.

– До того, как узнала, кто вы, Подлец.

– Вы подарите мне и другие поцелуи, о которых даже просить не придется, поэтому я не стану раздавать обещания, которым все равно суждено быть нарушенными.

Я открыла рот, чтобы посоветовать ему обратиться к психиатру, но он посмотрел наверх, и не успела я слова сказать, как Вулф оставил меня у лестницы в полном изумлении. Откуда он вообще знает, куда идти? Но все и без того ясно.

Китон бывал тут и раньше.

Он знал моего отца.

И тот ему совсем не нравился.

Следующие два часа я курила одну сигарету за другой, бродила туда-сюда и заваривала себе капучино, который выливала после первого же глотка. Курение – единственная вредная привычка, которую мне позволили завести. Моя мать говорила, что сигареты помогают умерить аппетит, а отец принадлежал тому поколению, которое считало курение утонченной и практичной привычкой. Я же благодаря ей чувствовала себя взрослой, хотя в остальном со мной обращались как с ребенком и чрезмерно опекали.

Через двадцать минут после того, как Вулф поднялся наверх, в дом вошли два адвоката моего отца и еще двое похожих на юристов мужчин.

Мама тоже вела себя странно.

Впервые со дня моего рождения она вошла в кабинет отца во время деловой встречи. Дважды мама выходила. Один раз, чтобы принести напитки и закуски, – работа, которую обычно выполняла наша домоправительница Клара. А в следующий она вышла в коридор, что-то отчаянно бормоча себе под нос, и случайно сбила вазу.

Казалось, что прошла целая вечность, когда дверь кабинета наконец открылась, но спустился только Вулф. Я замерла, словно в ожидании смертного приговора. От его последнего замечания в душе зародились змеи, чьи укусы были смертельны и крайне ядовиты. Китон рассчитывал, что я снова его поцелую. Если он просил у отца разрешения на свидание, его ждет жестокое разочарование. В Вулфе не течет итальянская кровь, он не вступал в Синдикат и ни капельки мне не нравился. Три довода, которые моему отцу следовало бы принять во внимание.

Вулф замер на последней ступени изогнутой лестницы, молча демонстрируя, какой он высокий и величественный. Какая мелкая и незаметная я.

– Вы готовы выслушать вердикт, Нем? – Уголок его рта приподнялся в зловещей улыбке.

По коже поползли мурашки, словно я оказалась на американских горках за секунду до того, как они махнут вниз. Мне пришлось судорожно вдохнуть и почувствовать, как страх зарождается в моей груди.

- Умираю от любопытства, - закатила я глаза.

- Следуйте за мной на улицу, - приказал он.

- Нет, спасибо.

- Я не прошу, - отрезал Китон.

- И хорошо, потому что я не согласна, - губы жгло от резких слов. Я никогда и ни с кем не вела себя так грубо. Но Вулф Китон заслужил мой гнев и честность.

- Соберите чемодан, Франческа.

- Не поняла?

- Соберите. Чемодан, - медленно повторил он, как будто проблема заключалась не в абсурдности его слов, а в том, что я плохо его поняла. - Пятнадцать минут назад вы официально обручились с вашим покорным слугой. Свадьба состоится в конце месяца, так что ваша дурацкая традиция со шкатулкой не нарушена. Кстати, благодарю за рассказ, это стало приятным дополнением к моему предложению, - спокойно сообщил он новости, в то время как у меня сердце ушло в пятки. От потрясения и гнева закружилась голова.

- Папа никогда бы так со мной не поступил. - Ноги словно приклеились к полу. Я слишком боялась подняться наверх и проверить свои же слова. - Он бы не продал меня даже за самую большую ставку.

На лице Вулфа медленно расползлась ухмылка. С нескрываемой алчностью он лакомился моей яростью.

- Кто сказал, что предложенная мной цена была самой высокой?

Я бросилась на него что было сил. Ни разу в жизни я не подняла ни на кого руку. Меня учили, что женские истерики – это прерогатива низшего класса. Поэтому пощечина оказалась не такой силы, на которую я рассчитывала. Это, скорее, был дружеский шлепок, слегка задевший его массивный подбородок. Вулф даже не дрогнул. В его бездонных чистых глазах появились жалость и безразличие.

– Даю вам несколько часов, чтобы собрать вещи. Все, что не упакуете, останется здесь. Не испытывайте мое терпение в вопросах пунктуальности, мисс Росси. – Китон приблизился ко мне и застегнул на моем запястье золотые часы.

– Как вы могли? – В мгновение ока я перестала ему прекословить и зарыдала, толкая его в грудь. Я оцепенела и даже не была уверена, что могу дышать. – Как вам удалось выпросить у родителей их одобрение?

Я была единственным ребенком. У моей матери была предрасположенность к выкидышам и поэтому называла меня бесценным сокровищем. Но отныне я заклеямена незнакомцем наручными часами от «Гуччи» – часами, которые наверняка были лишь малой толикой обещанного выкупа за невесту. Родители тщательно отбирали для меня кавалеров на общественных мероприятиях и были печально известны своими покровительственными замашками, когда дело касалось моих друзей. До такой степени, что на самом-то деле их у меня и не было, кроме женщин, носивших фамилию Росси.

Каждый раз, когда я знакоилась с ровесницами, родители называли их недостаточно утонченными, а поведение – слишком вызывающим. Это казалось каким-то абсурдом. Но почему-то я ни на секунду не усомнилась, что все именно так и есть.

Впервые в жизни я признала, что мой отец не бог. У него тоже были слабости. И Вулф Китон только что откопал все до единой и извлек из них выгоду.

Он влез в блейзер и вышел за дверь. Охранники последовали за ним как верные щеночки. А я взлетела на второй этаж, от злости не чувствуя пола под ногами.

– Как ты могла! – первым делом я обрушила гнев на маму, которая в вопросах брака всегда обещала вставать на мою сторону.

Я рванула к ней, но папа схватил меня за руку, а другую руку поймал Марио. Впервые подчиненные отца применили ко мне силу. Впервые ко мне применил силу он сам.

Я брыкалась и кричала, пока они вытаскивали меня из кабинета отца, где со слезами в глазах стояла мама. Юристы толклись в углу комнаты, смотрели в документы и притворялись, будто не происходит ничего необычного. Мне хотелось орать до тех пор, пока дом не рухнет и не похоронит меня под обломками. Хотелось пристыдить их, дать отпор.

Мне девятнадцать. Я могу сбежать. Но куда? Я была совершенно оторвана от жизни. Никого и ничего, кроме родителей, не знала. Да и на какие средства я буду жить?

– Франческа, – сказал папа с безжалостной решимостью в голосе. – Не так уж это и важно, но твоя мать ни в чем не виновата. Я выбрал Вулфа Китона, потому что он лучший кандидат. Анджело – приятный молодой человек, но он почти простолюдин. Его дед был простым торговцем. Китон же самый завидный в Чикаго жених. Он наверняка станет президентом Соединенных Штатов. Не говоря уже о том, что он существенно богаче, старше и значимее для Синдиката.

– Но я не Синдикат! – я чувствовала, как при этих словах задрожал мой голос. – Я человек.

– Ты и то и другое, – парировал отец. – Как дочь человека, который с нуля восстановил Чикагский синдикат, ты должна принести жертвы, хочешь этого или нет.

Они потащили меня в мою комнату в конце коридора. Мама плелась сзади и шептала извинения, но я была на грани нервного срыва и не понимала, что она бормочет. Я ни секунды не верила, что отец мог выбрать Китона, не обратившись предварительно ко мне. Но еще я знала, что он был слишком горд, чтобы признаться: в этом вопросе власть была у Китона. И я понятия не имела почему.

– Я не хочу самого завидного жениха в Чикаго, президента или ватиканского папу. Я хочу Анджело! – рыкнула я, но никто меня не слушал.

Я как воздух. Невидимый и незначимый, но все же жизненно необходимый.

Они остановились у моей комнаты, крепко сжимая мне запястья. Тело обмякло, когда я поняла, что они больше не двигаются. Тогда я осмелилась заглянуть внутрь. Клара запихивала мою одежду и обувь в лежащие на кровати чемоданы и утирала слезы. Мама взяла меня за плечи и повернула к себе:

- В записке сказано, что тебе дарует поцелуй любовь всей твоей жизни, правда? - Мамины красные опухшие глаза нервно метались. Она хваталась за соломинку. - Тебя поцеловал он, Фрэнки?

- Он обхитрил меня!

- Но ты же даже не знаешь Анджело, *vita mia*[4 - Жизнь моя (итал.)].

- Сенатора Китона я знаю еще меньше.

И все, что узнала о нем, было мне ненавистно.

- Он богат, хорош собой, и ему светит яркое будущее, - объяснила мама. - Вы еще не знакомы толком, но узнаете друг друга. Я тоже не была знакома с твоим отцом до свадьбы. *Vita mia*, что за любовь без риска?

«Спокойствие», - подумала я и поняла, что Вулф Китон посвятит свою жизнь тому, чтобы сделать мое существование как можно менее спокойным.

* * *

Спустя два часа меня провезли на черном «Кадиллаке» через черные кованые ворота в поместье Китона.

Во время поездки я умоляла юного прыщавого водителя в дешевом костюме доставить меня в ближайшее отделение полиции, но он притворился, будто не слышит. Тогда я перерыла всю сумку в поисках телефона, но его там не оказалось.

– Проклятье! – вздохнула я.

На пассажирском сиденье хмыкнул мужчина, и впервые я обратила внимание, что в машине присутствовал и охранник.

В районе Маленькой Италии, где жили мои родители, было полным-полно католических церквушек, самобытных ресторанов и людных парков, кишаших детьми и студентами. А вот Вулф Китон обитал на непорочной и пользующейся престижем Берлинг-стрит. Его ослепительно белый особняк даже среди других огромных домов выглядел смехотворно большим. По его размерам я догадалась, что для постройки потребовалось снести несколько зданий. Похоже, добиваясь своего, Китон привык идти по головам.

Моему взору предстали подстриженные лужайки и выполненные в средневековом стиле окна. По стенам огромного здания вверх ползли плющ и папоротник, напоминая ревнивые женские пальцы на теле мужчины.

Возможно, Вулф Китон действительно сенатор, но деньги у него не от государственной деятельности.

После того как мы подъехали к входу в дом, двое служащих открыли багажник и вытащили мои многочисленные чемоданы. В дверях показалась щуплая женщина, по виду старше Клары, в строгом черном платье и с заколотыми наверх серебристыми волосами.

Она задрала голову и с усмешкой окинула меня взглядом:

– Мисс Росси?

Я вылезла из машины, прижимая к груди сумку. Этот придурок даже не вышел меня поприветствовать.

Сцепив сзади руки и чопорно выпрямив спину, женщина подошла ко мне и протянула ладонь:

– Я мисс Стерлинг.

Я уставилась на ее руку, но не стала пожимать. Она помогала Вулфу Китону похитить меня и принудить к браку. То, что я не поколотила ее своей дизайнерской сумочкой, уже показывает величину моей вежливости.

– Я покажу вам ваше крыло.

– Мое крыло? – Я на автопилоте пошла за ней, говоря себе – нет, обещая, – что это временные трудности. Мне просто нужно собраться с мыслями и наметить план. На дворе двадцать первый век. Весьма скоро я окажусь рядом с мобильным телефоном, компьютером или полицейским участком, и этот кошмар закончится, не успев начаться.

И что потом? Проявишь неповиновение отцу и рискнешь жизнью?

– Да, дорогая, крыло. Я была приятно удивлена, что мистер Китон придерживается старых идеалов в отношении своей невесты. Отказался делить ложе до брака.

На ее губах мелькнула еле заметная улыбка. Очевидно, она и сама фанатела от этой затеи. Тут я была с ней согласна, потому что скорее выцарапаю себе глаза, чем лягу в одну постель с этим дьяволом.

От площадки из белого мрамора вправо и влево расходились две лестницы. Мятного цвета стены с портретами бывших президентов, высокие, искусно вылепленные потолки, камин и роскошный внутренний двор, видимый через высокие окна, – все это слилось в одно пятно.

Я ахнула, когда мы прошли мимо распахнутых двойных дверей, за которыми я увидела рояль «Стейнвей», книжные полки высотой до потолка со множеством книг. Вся комната была выполнена в кремовых и черных тонах.

– Вы кажетесь совсем юной.

– Это наблюдение, а не вопрос... Ваше мнение? – недоброжелательно ответила я.

– У меня сложилось впечатление, что он предпочитает спутниц постарше.

– Возможно, ему стоит предпочитать заинтересованных спутниц.

Господи. Я действительно так сказала. Я хлопнула себя по губам.

– У сенатора Китона никогда не было трудностей по части женского внимания. Как раз наоборот, – трепала языком мисс Стерлинг, пока мы шли в восточную часть дома. – Огромное количество женщин и разнообразие пресытило ему. Я начала беспокоиться. – Она покачала головой, и от воспоминаний на ее тонких губах появилась улыбка.

Так он еще и бабник. Я почувствовала досаду. Анджело, несмотря на свой жизненный опыт и суровое воспитание, был истинным джентльменом. Я знала, что он не хранил целомудрие, но и не гонялся за каждой юбкой.

– Тогда, возможно, это мне стоит теперь волноваться, раз уж придется делить с ним постель, – огрызнулась я. Судя по всему, правила хорошего тона я оставила за дверью вместе со своей свободой.

Когда мы подошли к моей комнате, я не бросилась оценивать по достоинству кровать с балдахинном, дорогие фиолетовые шторы из бархата, вместительную гардеробную, внушительный туалетный столик, резной стол из дуба или кожаное кресло, повернутое к саду. Оно стояло у окна, и я не сомневалась, что вид открывался завораживающий. Но даже самый прекрасный вид на Чикаго не смог бы меня заинтересовать. Я хотела вернуться в отчий дом и предаваться мечтам о свадьбе с Анджело.

– Устраивайтесь поудобнее. Мистеру Китону пришлось улететь в Спрингфилд. Он уже на пути домой. – Мисс Стерлинг пригладила подол своего платья.

Итак, Вулф – американский сенатор. И спрашивать не пришлось: я знала, что он приобрел частный самолет еще до начала политической карьеры. Я наизусть вызубрила Положение о выплатах на представительские расходы, потому что отец частенько поговаривал о правилах. По его словам, чтобы нарушать правила, их нужно знать назубок. А отец за всю свою жизнь подкупил немало политических деятелей.

Почему-то мне стало еще хуже оттого, что у Вулфа есть частный самолет. Из-за одной такой рабочей поездки в атмосферу выбрасывалось столько углерода, что

для баланса необходимо было высадить средних размеров лес. Что за мир Китон планирует оставить своим детям и внукам, когда по первому требованию прыгал на самолет до Спрингфилда или Вашингтона?

Тут мне пришло в голову, что я даже не попыталась переманить мисс Стерлинг на свою сторону. Она ведь могла не знать, что я попала в беду. Когда та направилась к выходу, я схватила ее за холодную субтильную руку и потянула назад.

- Пожалуйста, - взмолилась я. - Я знаю, прозвучит безумно, но ваш начальник только что купил меня у моих родителей. Мне нужно сбежать отсюда.

Она уставилась на меня и заморгала.

- О, дорогая, по-моему, я забыла выключить духовку. - Мисс Стерлинг рванула в коридор, хлопнув напоследок дверь.

Я побежала за ней и дернула дверную ручку. Она заперла меня. Черт! Я заметалась по комнате, потом схватилась за штору и сорвала ее с карниза. Не знаю зачем. Мне захотелось что-нибудь сломать в доме Вулфа, как он сломал меня. Я плюхнулась на кровать и закричала во все горло.

В тот день я плакала, пока не уснула. Мне приснилось, как Анджело заезжает в гости к моим родителям, узнает, что случилось с Вулфом, а потом ищет меня по всему городу. Во сне он заявляется сюда, не в силах смириться с мыслью, что я живу с другим мужчиной, и требует объяснений у Вулфа. Во сне он увозит меня далеко-далеко, в какое-нибудь тропическое место, где нам ничто не угрожает. Тут-то я и поняла, что это игра моего воображения: если отцу не под силу остановить Вулфа, то уж остальным и подавно.

Когда проснулась, сквозь высокие окна в комнату лениво проникали заходящие лучи солнца. У меня в горле пересохло и хотелось пить, а глаза так опухли, что я даже не могла их полностью открыть. Я бы убила за стакан воды, но скорее умру, чем попрошу.

Кровать прогнулась с одной стороны. Открыв глаза, я поняла причину. На краю широкого матраса сидел Вулф и смотрел на меня своими пронизывающими глазами, словно прожигал кожу, кости и сердце, оборачивая их в пепел.

Я прищурилась, а затем открыла рот, чтобы поделиться с ним соображениями.

– Прежде чем ты что-нибудь скажешь, – предупредил он, закатывая рукава белоснежной рубашки и обнажая жилистые, мускулистые и загорелые предплечья, – полагаю, необходимы извинения.

– Думаешь, извинениями можно все исправить? – ледяным тоном отрезала я и дернула за одеяло, чтобы прикрыть свое тело, хотя была полностью одета.

Вулф ухмыльнулся, и я поняла, что ему очень даже нравятся наши словесные баталии.

– Это стало бы хорошим началом. Ты сказала, что я вел себя не как джентльмен, а я позволю себе не согласиться. Я удостоил чести ваш обычай и после поцелуя потребовал твоей руки.

Фантастика.

Теперь я полностью проснулась и села, опершись спиной об изголовье.

– Ты хочешь, чтобы я извинилась перед тобой?

Не торопясь с ответом, Китон разгладил мягкую ткань отутюженного постельного белья.

– Какая жалость, что родители задались целью сделать из тебя покорную маленькую хозяйку. Ты от природы быстро все схватываешь.

– Ты глупец, если считаешь, что я приму тебя в качестве мужа. – Я скрестила руки на груди.

Вулф угрюмо задумался над моими словами и водил пальцами рядом с моей лодыжкой, но не касался ее. Я бы не раздумывая пнула его, если бы не знала, что мой гнев доставит ему гораздо большее удовольствие.

– Забавно, что ты думаешь, будто можешь касаться меня или того, что мне принадлежит. Этой участи удостоится лишь мой член, и то когда я буду настолько щедр, что разрешу его пососать. Почему бы нам не узнать друг друга получше за ужином, прежде чем ты сделаешь еще несколько заявлений, которые нельзя будет забрать обратно? В этом доме существуют правила, которым ты должна покориться.

Боже, аж пальцы заныли, как хотелось его ударить.

– Для чего? Потому что я лучше съем гнилой фрукт или выпью воды из канализации, чем стану с тобой есть, – прошипела я.

– Вот и отлично.

Вулф достал что-то из-за спины. Простой белый календарь. Он протянул руку и поставил его на тумбочку рядом со мной. Это было мило, особенно после часов, которые казались скорее кандалами, чем подарком.

Когда он снова заговорил, то смотрел не на меня, а на календарь.

– Привычки формируются за двадцать один день. Рекомендую начать привыкать ко мне. Потому что двадцать второго августа, – заявил Вулф и встал с кровати, – ты будешь стоять у алтаря, давая клятву провести со мной остаток жизни. Обещание, к которому я намереваюсь подойти ответственно. Ты – взысканный долг, реванш и вполне достойная спутница. Доброй ночи, мисс Росси. – Вулф повернулся и пошел к двери, пнув мимоходом штору.

Не прошло и часа, как ко мне пришла мисс Стерлинг и принесла серебряный поднос с мятыми гнилыми фруктами и стаканом воды подозрительного серого цвета. Она уставилась на меня с сокрушительной скорбью, от которой ее и без того морщинистое лицо выглядело еще старше.

В этих глазах горело извинение.

Я не приняла ни его, ни еду.

Глава третья

Вулф

Хрен.

Зараза.

Членосос.

Сволочь.

Полная жопа.

Мразьдерьмо.

Это лишь малая толика слов, что мне как сенатору, представляющему штат Иллинойс, отныне не дозволено произносить на публике, да и вообще стоит о них забыть. Служение своему штату, своей стране – моя единственная страсть. Проблема в том, что мои истинные манеры кардинально расходились с теми, что описывались в средствах массовой информации. Мысленно я матерился. Часто.

И в данный момент мне особенно хотелось ругаться, поскольку моя невеста довела меня до белого каления.

Глаза цвета мятых полевых цветов и такие мягкие, блестящие каштановые локоны, что буквально умоляли намотать их на кулак и как следует дернуть.

Элита Чикаго пала пред красотой Франчески Росси, когда ровно год назад она появилась в городе, и в кои-то веки в их убогой жизни созданная ими шумиха оказалась уместной.

К несчастью для меня, моя будущая невеста оказалась избалованным, наивным, изнеженным ребенком с самомнением размером с Коннектикут. Ее интересовали лишь верховая езда, надувание губ и производство на свет точно таких же

ясноглазых избалованных детишек. Последнее предположение было сделано наугад, но вряд ли я ошибался.

К счастью для моей будущей невесты, ее ждет точно такая же безбедная жизнь, к какой готовили ее родители. Сразу же после свадьбы я намеревался запереть ее в шикарном особняке на другом конце города, набить ее кошелек кредитками и наличкой и проводить лишь тогда, когда она понадобится мне на приемах или нужно будет подергать за поводок ее отца. О потомстве и речи быть не могло, хотя, если она захочет сотрудничать, – над чем еще нужно поработать, – я разрешу ей родить от донора спермы.

Но не от меня.

Стерлинг доложила, что Франческа не притронулась ни к грязной воде, ни к раздавленным фруктам и даже не взглянула на завтрак, который утром ей принесли в комнату. Меня это не волновало. Девчонка поест, когда ее беспокойство сменится огорчением.

Запихнув руки в карманы, я привалился к конторскому столу от Теодора Александра в своем рабочем кабинете и двадцать нудных минут наблюдал за словесным спаррингом губернатора Бишопа и Феликса Уайта, комиссара полицейского управления Чикаго.

Эти выходные, когда я, поддавшись мимолетному порыву, заключил помолвку с Франческой Росси, также вошли в историю Чикаго как самый кровавый уикэнд с середины восьмидесятых. Вот еще одна причина, почему мой брак был так важен для спасения жителей этого города. Бишоп и опытный коп Уайт прямо и косвенно обмолвились, что ответственность за все двадцать три убийства, случившиеся между пятницей и воскресеньем, лежит на Артуре Росси, хотя оба не произносили его имени вслух.

– Плачу за ваши мысли, сенатор. – Уайт откинулся на спинку кожаного кресла, бросив мне зажатую между большим и указательным пальцами монетку. Я не сводил с него взгляда, и монетка упала на пол.

– Забавно, что вы упомянули про деньги. Именно они вам и нужны, чтобы снизить уровень преступности.

– В смысле?

– Артур Росси.

Бишоп и Уайт взволнованно переглянулись, и их лица стали приятно серого цвета. У меня вырвался смешок. Я собирался лично заняться Артуром, но спешить не стоило. Ведь он только что лишился самой ценной собственности. Важно сейчас дать ему ощущение контроля и стабильности, чтобы в конечном итоге стереть его в порошок.

Решение жениться на Франческе Росси, в отличие от планов уничтожить ее отца, которые я строил с тринадцати лет, пришло ко мне спонтанно. Сначала она показалась на балу в образе Немезиды, и эта ирония судьбы вызвала у меня ухмылку. Потом я заметил блеск в глазах Артура, когда на маскараде он провожал дочь взглядом. Его распирало от гордости, и меня взбесило, каким счастливым он выглядел. Очевидно же, что Франческа – его ахиллесова пята. А после она произвела фурор. Ее красота и прекрасное воспитание не остались незамеченными. Вот почему я пришел к выводу, что брак с Франческой как вечная угроза Артуру и способ очистить мою репутацию ловеласа принесет мне пользу.

В качестве бонуса мы станем единственными наследниками империи Росси. Фактически Артур отпишет мне свое имущество, хочет он того или нет.

– Дети не должны расплачиваться за грехи отцов. – Губы у Артура дрожали, когда на следующее же утро после маскарада я заявился к нему домой. Накануне вечером я написал ему, посоветовав встать пораньше, в то время как моя спутница расстегивала мне брюки, чтобы сделать минет. И сейчас Росси был таким бледным, что, казалось, вот-вот словит сердечный приступ. Но я выдаю желаемое за действительное. Мерзавец крепко стоял на ногах и таращился на меня, взглядом умоляя об одолжении.

– Библию вспомнил? – ответил я ему, дерзко зевнув. – Уверен, что ты не раз и не два нарушал прописанные там заветы.

– Не впутывай ее, Китон.

– А ты умоляй, Артур. На коленях. Хочу увидеть, как ты распрощаешься со своей гордостью и чувством собственного достоинства ради избалованной дочурки, никогда не знавшей невзгод. Зеница твоего ока, звезда любого чикагского приема и, если говорить начистоту, финалистка на звание моей законной супруги.

Он прекрасно понимал, о чем я прошу. И почему.

– Ей девятнадцать, а тебе – тридцать, – попытался урезонить меня он. Очень зря. Однажды, когда я с ним пытался договориться, ничего не вышло. Вообще.

– В любом случае законом не запрещено. Здоровая благовоспитанная красавица, всюду меня сопровождающая, – то, что нужно, чтобы очистить мою подмоченную репутацию.

– Она не эскортница, и если не хочешь, чтобы твой первый срок в качестве сенатора стал последним...

Артур так крепко сжал руки в кулаки, что они побелели. Я прервал его на полуслове:

– Ты ничем не навредишь моей карьере. Мы оба знаем, что я на тебя накопал. На колени, Артур. Если будешь убедительным, возможно, оставлю ее тебе.

– Назови цену.

– Твоя дочь. Следующий вопрос.

– Три миллиона долларов. – Вена у него на подбородке бешено пульсировала.

– Ох, Артур. – Я наклонил голову и хохотнул.

– Пять. – Он так поджал губы, что я почти услышал, как скрипят его зубы.

Росси был влиятельным человеком, слишком влиятельным, чтобы под кого-то прогибаться. Но впервые в жизни ему пришлось. Потому что досье на него представляло угрозу не только для всей мафии, но и для его ненаглядных

дочери и жены, которые останутся без цента в кармане, как только я навсегда упеку его за решетку.

Я закатил глаза.

– А я считал, что любовь бесценна. Как насчет того, чтобы отдать то, что я действительно желаю, Росси? Свою гордость.

Стоявший передо мной мужчина, надменный мафиозный босс, которого я яростно ненавидел, с безучастным лицом, на котором отпечаталось отвращение, медленно опустился на колени. Его жена и наши адвокаты потупили глаза, и в комнате повисла оглушительная тишина. Вот он и оказался подо мной: униженный, растерянный и смиренный.

Артур процедил сквозь зубы:

– Я умоляю тебя пощадить мою дочь. Преследуй меня сколько хочешь. Затащи в суд. Лиши имущества. Хочешь войны? Я буду сражаться с тобой честно и благородно. Но не трогай Франческу.

Я перекачивал во рту мятную жвачку, еле сдерживаясь, чтобы не сжать челюсти. Я мог раскрыть тайну, которой годами ему угрожал, и покончить со всем, но мучения, через которые он заставил меня пройти, растянулись, как этот резиновый комок у меня во рту. Жвачка, которая годами мучительно тянулась. Око за око и вся прочая лажа. Разве я не прав?

– В просьбе отказано. Подписывай бумаги, Росси. – Я подвинул к нему соглашение о неразглашении. – Я забираю твою принцессу с собой.

Теперь Бишопу и Уайту каким-то образом удалось повысить голоса до децибелов, которые и кита бы оглушили. Они грызлись, как две школьницы, заявившиеся на выпускной в одинаковых платьях.

– ...об этом еще месяцы назад предупреждать надо было!

– Если бы у меня в распоряжении было больше сотрудников...

– Заткнитесь оба, – одним щелчком пальцев прервал я их поток слов. – В особо неблагополучных районах нужно лишь задействовать больше полицейских. И точка.

– А из каких средств, скажите на милость, мне финансировать ваше предложение? – Феликс потер дряблый и мокрый от пота подбородок. Его лицо было обезображено рубцами от жутких прыщей, макушка лоснилась, а седеющие волосы торчали на висках.

Я пригвоздил его к месту взглядом, который стер с его лица наглую ухмылку. У Уайта имелись лишние деньги, и мы оба знали, откуда они поступали.

– У вас есть деньги, – сухо выпалил я.

– Гениально. – Престон Бишоп развалился в кресле. – Капитан Этика пришел спасти положение.

– Ваше положение я бы с удовольствием подпортил. Кстати говоря, у вас тоже есть заначка, – невозмутимо заявил я, и в эту минуту распахнулась дверь.

В кабинет с бешеными глазами ворвалась всклокоченная Кристен: моя спутница на маскараде, мировая соска и огромная заноза в заднице. Поскольку я намеренно отбирал себе спутниц без склонности к драме, то понял, что она в курсе того, о чем еще не ведали сидящие в комнате джентльмены. Иначе Кристен не была бы такой взвинченной, а ведь она занималась выведыванием важной информации.

– Seriously, Вулф?

Она смахнула со лба светлые пряди, бешено вращая глазами. Ее потрепанный вид объяснял, почему вслед за ней ворвалась Стерлинг, бормоча бесполезные извинения. Махнув рукой, я велел экономке уйти и обратил внимание на Кристен.

– Давай выйдем, прежде чем у тебя лопнет аорта прямо на моих мраморных полах, – тепло предложил я.

– Не уверена, что именно я истеку кровью в этой битве, – ответила она и поманила меня пальцем.

Дурной тон. Это так свойственно девушкам, которые приехали в большой город из провинции и стали успешными карьеристками. Но внутри ее всегда будет жить девчонка из Канзаса.

Мой кабинет располагался в западном крыле особняка, рядом со спальней и несколькими гостевыми комнатами. Я привел Кристен в спальню и оставил дверь открытой на случай, если ей взбредет в голову не только разговор. Она заметалась по комнате, уперев руки в бока. Моя большая двуспальная кровать возвышалась в качестве напоминания, что здесь я ее никогда не брал. Мне больше нравилось трахать женщин в компрометирующих позах. Я никогда не принимал всерьез мысль делить с кем-то свое ложе, поскольку уяснил, что люди часто приходят в твою жизнь и в любой момент могут ее покинуть. Одиночество было моим жизненным кредо. Силой. Своего рода клятвой.

– Ты отодрал меня после маскарада, а на следующее же утро обручился? Ты, мать твою, издеваешься? – взорвалась наконец Кристен, и слова потоком полились из ее рта, после чего она со всех сил толкнула меня в грудь. Она справилась с этой задачей лучше, чем Франческа, но ее гнев не произвел на меня впечатления и, что самое важное, не тронул.

Я одарил ее сочувствующим взглядом. Мы с Кристен одинаково осознавали, что моногамия не про нас. Я ничего ей не обещал. Даже оргазмов. Потому что они предусматривают некоторые усилия с моей стороны и, следовательно, были бы напрасной тратой времени.

– К чему вы клоните, мисс Рис? – спросил я.

– Почему она?

– А почему бы и нет?

– Ей девятнадцать! – вновь проорала Кристен и пнула ножку кровати.

Судя по ее гримасе, она только что поняла: ножка, как и мое решение, была отлита из стали. Я питал особую слабость к дорогой необычной мебели. Кристен знала бы о моих пристрастиях, если бы хоть раз получила приглашение в мой дом.

– Могу я узнать, почему тебя так заинтересовала моя личная жизнь? – Я смахнул капельки слюны, которые она оставила на моей рубашке.

Люди как понятие не входили в десятку моих любимых вещей. А истеричек не наблюдалось даже в первой тысяче. Кристен была излишне эмоциональной, учитывая обстоятельства, и потому являлась помехой на моем пути к служению своей стране и должности президента.

– Мое агентство заполучило снимки, на которых твоя юная невеста въезжает в этот особняк и подобно принцессе смотрит, как твой персонал несет ее многочисленный багаж. Полагаю, ей предстоит стать трофейной женошкой. Говорит на пяти языках, похожа на ангела и трахается наверняка как настоящая сердцеедка. – Кристен расхаживала по комнате, закатывая рукава стильного костюма.

Франческа, несмотря на свои многочисленные недостатки, была весьма приятна глазу. И сдается мне, имела богатый сексуальный опыт, учитывая, что большую часть юности она провела на другом континенте от своего крайне строгого отца и вела праздное существование. Это напомнило мне, что нужно записать ее на тест на наркотики и анализы на венерические заболевания. Промаха допускать нельзя. Публичный позор обеспечит ей место в моем черном списке. Не самое колоритное будущее, что мог бы засвидетельствовать ее отец.

– Ты пришла, чтобы задавать вопросы и самой на них отвечать? – Я легонько пихнул Кристен в плечо, и она упала на обитый кремовой тканью стул, в ответ на что зарычала и снова вскочила. Вот тебе и попытка ее успокоить.

– Я здесь, потому что хочу эксклюзивное интервью с Бишопом. Иначе я всем желающим поведаю, что твоя застенчивая, необычайно юная невеста – дочь главного бандита в Чикаго. Не хотелось бы, чтобы завтра это стало заголовком на первой странице. Но, тут ты вынужден согласиться, слухи делают тиражи, верно?

Я потер подбородок.

– Мисс Рис, сделайте что посчитаете нужным.

– Ты серьезно?

– Настолько, насколько это возможно без выписывания тебе запретительного ордера за попытку шантажа члена сената. Позволь проводить тебя на выход.

Пришлось отдать Кристен должное: она пришла не для того, чтобы сокрушаться из-за безвременной кончины нашей интрижки. Она заявила исключительно по делу. Кристен хотела, чтобы я, спасая собственную задницу, дискредитировал губернатора и подарил ей сенсационный материал, благодаря которому она уже завтра получит предложение от ведущих СМИ. К несчастью для Кристен, я не дипломат и не веду переговоры с террористами или, еще хуже, с журналистами. Если откровенно, я даже с самим президентом переговоры вести не стану. На балу Франческа напомнила, что Немезида уничтожила Нарцисса, наказав его за гордыню. Ей еще предстоит узнать, что никому не под силу растоптать гордость ее будущего мужа.

Безусловно, самое смешное в том, что именно отец Франчески стал первым человеком, кто преподавал мне этот урок.

– А? – сердито фыркнула Кристен.

– Расскажи всему свету. А я просто оберну дело так, будто спасаю свою невесту от большого злого волка.

Большим злым волком был я сам, но знать об этом следует лишь мне и Франческе.

– Вы ведь вообще друг другу не понравились, – всплеснула руками Кристен, пробуя другую тактику.

Легонько касаясь пальцами ее поясницы, я повел журналистку к двери.

– Симпатия и успешный брак никак не связаны. На этом распрощаемся.

Повернув за угол, я увидел мелькнувшие в коридоре каштановые локоны. Франческа шастала по дому и, скорее всего, слышала разговор. Ничего страшного. Как я уже говорил: она была безобидна как котенок без когтей. А вот заставлю ли я ее урчать, целиком и полностью зависит от нее. Я не был особо заинтересован в симпатии Франчески, существовали и другие места, где я мог ее найти.

– Просто для ясности: все кончено? – Кристен споткнулась, пока я вел ее по ступеням к выходу из дома.

– Схватываешь на лету, – пробурчал я.

Мне не претила мысль завести любовниц, но я больше не могу позволить себе громкую интрижку. А поскольку Кристен – алчная журналистка, все в ней кричало о скандале.

– Знаешь, Вулф, ты считаешь себя таким неприкасаемым, потому что тебе улыбнулась фортуна. Я в этом деле уже достаточно долго и знаю: ты слишком тщеславен, чтобы добиться большего, чем есть у тебя сейчас. Ты тот еще фрукт и считаешь, что тебе все сойдет с рук. – Кристен остановилась у двери. Мы оба понимали, что это ее последний визит.

Я ухмыльнулся и отмахнулся от нее:

– Напиши статейку, милая.

– Это будет плохо смотреться в газетах, Китон.

– Милая летняя свадьба по католическим канонам для двух юных известных персон? Рискну.

– Не такой уж ты и юный.

– Не так уж ты и умна, Кристен. Прощай.

Отвязавшись от мисс Рис, я вернулся в кабинет, чтобы прогнать Бишоп и Уайта, а потом направился в восточное крыло проведать Франческу.

Утром у ворот дома появилась ее мать с вещами и кричала, что не уйдет, пока не убедится, что с дочерью все в порядке. Хотя я и сказал Франческе, что вещи, которые она не успеет упаковать, останутся в ее прежнем доме, важнее сейчас обуздать ее родителей, чем преподавать ей ценный жизненный урок. Ее мать была ни в чем не повинна. Как и сама Франческа.

Я толкнул дверь в спальню своей невесты и обнаружил, что она еще не вернулась со своих бесцельных блужданий. Сунув руки в карманы узких брюк, я лениво подошел к окну. Франческа была в саду: одетая в желтый сарафан, она присела на корточки, бормотала что-то себе под нос и ковырялась лопаткой в цветочном горшке. Ее хрупкие руки утонули в огромных зеленых садовых перчатках. Я приоткрыл окно, немного заинтересовавшись той чепухой, что она молчала, и голос невесты просочился в комнату. Ее бессвязная речь звучала гортанно и женственно – вопреки моим ожиданиям совсем не как у взбалмошного подростка.

– Да кем он себя возомнил? Он поплатится за содеянное. Я не игрушка. Не идиотка, какой он меня считает. Я объявлю голодовку, пока не сломаю его сопротивление, или умру. Пусть попробует объяснить этот занятный заголовок, – фыркнула Франческа, качая головой. – И что он сделает? Будет пичкать меня едой силой? Я выберусь отсюда. О, и кстати, сенатор Китон, вы вовсе не так уже привлекательны. Просто высокий. Анджело? Вот он великолепный экземпляр. И телом, и душой. Он простит меня за этот дурацкий поцелуй. Конечно, простит. Я его заставлю...

Я закрыл окно. Она намеревалась устроить голодовку. Отлично. И первым же делом познает мое равнодушие. Треп о Бандини тоже меня не тревожил. Юношеская любовь не представляет опасности для волка. Я уже было направился к выходу, как вдруг на прикроватной тумбочке заметил резную деревянную шкатулку и подошел к ней, вспоминая сказанные Франческой на маскараде слова. Коробка была заперта, но я инстинктивно знал, что она вытащила очередную записку, отчаянно желая изменить свою судьбу. Неожиданно, даже для себя, я перевернул подушки и нашел под ними бумажку. Моя красивая, предсказуемая, глупая невеста.

Я развернул записку.

«Следующий мужчина, что накормит тебя шоколадом, станет любовью твоей жизни».

Я почувствовал, как губы растянулись в усмешке, и на мгновение задумался, когда вообще в последний раз улыбался. По-моему, когда Франческа бросила какое-то глупое замечание на лестничной площадке в ее доме перед тем, как я принудил ее отца отдать дочь мне.

– Стерлинг! – рявкнул я, сидя на постели невесты. Пожилая служанка влетела в комнату, и ее взбудораженный взгляд говорил, что она готовилась к худшему.

– Отправь Франческе самую большую корзину шоколада «Годива» от меня с запиской. Без подписи.

– Какая чудесная мысль, – взвизгнула она и хлопнула себя по коленям. – Она почти сутки ничего не ела, так что я прямо сейчас все и сделаю. – Стерлинг бросилась на кухню, где хранила телефонный справочник толще ее самой.

Я запихнул записку обратно, сложив подушки в тот же беспорядочный ворох, который они составляли.

Мне гораздо интереснее поиметь мозги Франчески Росси, чем трахать ее тело.

Теперь такая у меня прелюдия.

Глава четвертая

Франческа

Прошло еще два дня, которые, подобно крови, пропитали пустотой стены моей комнаты.

Я ни с кем не вступала в контакт. Без присмотра остался даже сад, остро нуждающийся в любви, включая саженцы и овощи, которые я посадила после визита мамы. Она приехала на следующий же день, как меня забрал Вулф, и пронесла тайком в деревянной коробке семена бегоний.

– Самые выносливые цветы, Франческа. Совсем как ты.

Потом о моем хобби разузнала мисс Стерлинг и принесла семена редиски, моркови и томатов черри. Она пыталась поднять мне настроение и, возможно, хотела, чтобы я потратила силы и приняла что-нибудь еще, кроме воды из-под крана.

Сон был коротким, мучительным и прерывался кошмарами, в которых за дверью моей спальни во мраке шнырял монстр и по-волчьи скалился всякий раз, как я его замечала. Глаза чудовища пленяли, но улыбка его пугала до ужаса. А когда я пыталась пробудиться, чтобы сбросить оковы сна, то не могла даже пошевелиться.

Мне до безумия хотелось разрешить две проблемы: Вулф должен понять, что мы не можем пожениться, а Анджело нужно узнать, что поцелуй был всего лишь недоразумением.

Каждые несколько часов мисс Стерлинг приносила еду, воду и кофе и ставила серебряные подносы с провиантом на тумбочку. Я пила воду, чтобы не свалиться в обморок, но остальное не трогала.

И уж тем более, я оставила без внимания огромную корзину шоколада, которую прислал мой будущий супруг. Она стояла в углу комнаты на дорогом столе и собирала пыль. От голода у меня упал уровень сахара в крови, и при резких движениях перед глазами мелькали мушки. Но даже тогда я каким-то образом понимала, что дорогой шоколад имеет вкус моего повиновения, аромат которого такой горький, что никакой сахар не в силах его подсластить.

Да еще и эти записки. Проклятушие, несносные записки.

Я открыла две из трех, и все они указывали на то, что Вулф – моя настоящая любовь.

Я убеждала себя, что это чистое совпадение. Китон мог изменить свое отношение. Похоже, он решил дарами втереться ко мне в доверие. Хотя интуиция подсказывала, что с момента своего появления на свет этот мужчина не сделал ни одного необдуманного шага.

Вулф требовал моего присутствия за каждым ужином. Но делал это не лично – все приказы поступали через мисс Стерлинг. А я неизменно отказывалась. Когда он прислал за мной одного из своих охранников, я заперлась в ванной и отказывалась выйти, пока мисс Стерлинг не прогнала этого здоровяка пинками. Тогда Вулф перестал присылать мне в комнату еду и не изменил свою позицию, несмотря на доносящиеся с кухни пронзительные крики мисс Стерлинг. Я хохотала как умалишенная, потому что все равно не стала бы есть. Наконец на третий день Китон решил почтить меня своим королевским присутствием, замерев на пороге и прищурив глаза, в которых застыла угроза.

С последней встречи Вулф стал казаться выше и угрюмее. Одетый в шикарный темно-синий костюм, он вооружился язвительной ухмылкой без намека на довольство. В его темных глазах плясали веселые огоньки. Но я его не виню. Я тут умираю от голода, пытаюсь донести свою точку зрения, а ему все до лампочки. Однако выбора не было. Мобильника мне не выдали. Мама звонила каждый день по городскому телефону, чтобы убедиться, что я жива и здорова, но по помехам и дыханию в телефонной трубке я понимала, что мисс Стерлинг подслушивает наши разговоры. Да, ее волновало мое физическое благополучие, но, полагаю, она все равно была в команде Вулфа.

На языке вертелись мольбы и обещания быть хорошей, самой лучшей дочерью в Чикаго, если родители потребуют меня назад. Я хотела спросить об Анджело, узнать, не пытается ли папа каким-нибудь образом вернуть меня домой, но вместо этого лишь отвечала на обеспокоенные вопросы мамы односложными «да» или «нет».

Проигнорировав его, я сделала вид, будто разглаживаю одеяло, и посмотрела на свои ноги.

– Немезида, – процедил Вулф с небрежным цинизмом, который все так же странно пронзал меня в самое сердце. – Не соизволишь ли облачиться во что-нибудь поприличнее пижамы? Сегодня вечером мы идем на прием.

– Это ты идешь на прием. Если везешь меня не к родителям, то я останусь тут, – поправила его я.

– По какой причине ты решила, что у тебя есть выбор? – Китон уперся руками в дверной косяк над головой, отчего его рубашка задралась, и моему взгляду предстал накачанный пресс с порослью темных волос.

Он был настоящим мужчиной, и это сбивало меня с толку. Я еще находилась в том шатком состоянии между женщиной и подростком. Ни там ни сям. И меня бесило, какую власть он надо мной имеет.

– Я сбегу, – тщетно пригрозила я. И куда я пойду? Отец тут же отправит меня обратно в лапы Вулфа. Китон и сам это понимал. Этот дом – моя шикарная тюрьма. Шелковые простыни и сенатор в качестве будущего супруга. Красивая кровать и сокрушительная правда.

– И где же ты возьмешь для этого сил? Ты даже ползти не можешь, какой там побег? Надень темно-зеленое платье. То, с разрезом.

– Чтобы произвести впечатление на твоих пожилых друзей-извращенцев из мира политики? – запыхтела я и перекинула волосы через плечо.

– Чтобы произвести впечатление на своего глубоко равнодушного будущего супруга.

– Не интересует, спасибо.

– Там будут твои родители.

Я вмиг оживилась. И это тоже меня бесило. Вся власть находилась в его руках. Вся информация. Ситуация в целом.

– Куда ты идешь?

– Женится сын Престона Бишопа. Невеста похожа на пони, но идет в комплекте с симпатичными ножками. – Вулф оттолкнулся от косяка и подошел к изножью кровати.

Я вспомнила, как он обозвал жену Бишопа лошадью. Китон был высокомерным и грубым, заносчивым и немыслимо вульгарным, но только в стенах своего дома. Я видела его на маскараде. И хотя по отношению ко мне и отцу Вулф вел себя грубо и холодно, с остальными он демонстрировал безукоризненное воспитание.

– Это станет отличной возможностью представить тебя в качестве будущей миссис Китон. Кстати говоря... – Вулф вытащил из переднего кармана что-то квадратное, черное и бархатное и швырнул через всю комнату. Я поймала и открыла эту вещь. Внутри переливалось обручальное кольцо с голубым бриллиантом «Винстон» размером с мою голову, и в нем отражались проникавшие через открытые окна солнечные лучи. Я понимала, что каждая минута в этом доме приближала меня к браку с Вулфом Китоном и побег нереален. Если говорить начистоту, спасти меня от будущего мужа может лишь он сам. А вариант умолять его дать мне свободу даже не рассматривался. Может, стоит попробовать иную тактику? Например, заставить его понять, что он не хочет на мне жениться.

– Когда мы выезжаем? – спросила я. «Ты» превратилось в «мы», но Вулф по-прежнему выглядел недовольным.

Ты даже вообразить не в силах, как я тебя опозорю.

– Через пару часов. Насколько я понимаю, ты привыкла, чтобы с тобой нянчились и обслуживали, поэтому Стерлинг поможет тебе подготовиться.

Ты пожалеешь о том дне, когда посмотрел на меня за тем столом своими гадкими глазами.

– Возьми свои слова назад, – сказала я.

– Не понял?

– Перестань подкалывать меня. Хватит вменять мне в вину мое воспитание и то, как со мной обращались, – потребовала я.

Он ухмыльнулся и повернулся к выходу.

– Я не пойду, – сказала я и кинула кольцо через всю комнату. Китон успел бы поймать его, но не стал, и кольцо покатило по полу. Сражаться за что-то – и уж тем более за меня – было ниже его достоинства.

– Ты пойдешь, если хочешь сохранить доступ к городскому телефону. Я ведь могу и отключить его. Не говоря уже о том, что не хотелось бы насильно втыкать в твои прелестные вены иглу, чтобы подвести зонд для питания, – сказал он и направился к выходу из комнаты, но застыл в дверях. Вулф стоял ко мне спиной, и я увидела, как его спина задрожала от тихого смеха. – И еще ты постоянно будешь носить обручальное кольцо.

– Или что? – дрожащим голосом воскликнула я.

– Или я тайком увезу тебя в Вегас и распушу многочисленные слухи о твоей беременности, что плохо скажется на репутации семьи Росси.

Я охнула, впервые осознав, что нас ждет.

История Немезиды и Подлеца без шанса на счастливый финал.

В которой принц не спасает принцессу.

Он ее истязает.

А красавица не спит.

Она застряла.

В кошмарном сне.

* * *

Через три часа мы вошли в банкетный зал «Мэдисона», одного из самых пафосных отелей в Чикаго. Свежий ветерок, мерцающие здания Великолепной мили[5 - Великолепная миля (Magnificent Mile) – одна из самых знаменитых торговых улиц в мире, расположенная на участке Мичиган Авеню (Michigan

Avenue) к северу от реки Чикаго (Chicago River). На Великолепной миле находится множество магазинов, торговых центров, ресторанов, отелей и достопримечательностей Чикаго.] и красный мост Мичиган-Авеню напомнили мне, что я по-прежнему в своем любимом городе, и вселили в меня надежду.

Я надела синее платье с открытыми плечами от «Армани», которое подчеркнуло мои глаза, а волосы заплела во французскую косу наоборот.

Мисс Стерлинг чуть ли не попискивала, когда укладывала мне волосы и наносила макияж, напомнив этим, как сильно сейчас не хватает Клары. Дом находился на другом конце города, но казалось, что нас разделяют океаны. Все, что я любила и ради чего жила, – родители, мой сад, верховая езда, – было недостижимо. Далекое воспоминание, которое с каждой секундой становилось еще дальше.

Мой жених в великолепном черном костюме властно положил руку на мою поясницу и провел в фойе. Нашему взору открылись хрустальные люстры и изогнутые лестницы. Комната была выполнена в медово-белых тонах, а мраморный пол – в черно-белую клетку. Нас не пригласили на церемонию в местной церквушке, и всю дорогу сюда мы провели в тишине, которая действовала мне на нервы. Сенатор Китон едва ли разделял мое мнение. Если точнее, он отвечал на сообщения на своем телефоне, грубо раздавал приказы своему юному водителю Смити и притворялся, что меня не существует.

Единственный раз он проявил ко мне интерес, когда заметил:

– Это не то платье, что я велел тебе надеть.

– Тебя удивляет, что у меня есть собственное мнение? – Я выглянула в окно, пока машина медленно ехала по пробкам в центре Чикаго. – Если уж на то пошло, я всего лишь оказавшийся в заточении подросток.

– И к тому же своенравный, – заметил Вулф.

– Никудышная невеста, – подытожила я.

– Я могу выдрессировать до завтрака дюжину таких, как ты.

Едва мы вошли через блестящие двери, люди закопошились вокруг Вулфа так, словно это он был женихом. Он привлек меня к себе за талию, и к низу живота прилил жар. Китон улыбался и вежливо беседовал со своими поклонниками. Вне дома и машины он полностью изменился, включив на максимум свое обаяние. Вулф дарил всем улыбки и учтиво вел разговоры, пока за нами тащились два охранника. Разительное отличие от того грозного мужчины, с которым я жила.

Первыми, кто выцепил нас и припер к стенке для приватного разговора, были пара политиков лет пятидесяти, которые приехали напрямиком из Вашингтона. Вулф представил меня как будущую невесту, а потом с добродушным оскалом попрекнул:

– Не смущайся. Покажи им кольцо.

Я застыла как вкопанная, а сердце подскочило к горлу, словно собираясь выпрыгнуть. Вулф поднял мою безвольно висящую руку и продемонстрировал им огромный камень на моем пальце. Женщина схватила мою кисть, изучила кольцо и всплеснула руками.

– О, оно просто идеально. Как он сделал предложение? – Она захлопала ресницами, очевидно, умирая от любопытства.

Сейчас мне представилась возможность испортить старания Вулфа. Я усмехнулась, и, когда медленно опустила руку, бриллиант поймал лучи света, ослепив всех стоявших поблизости.

– На ступенях Чикагского института искусств. Мой бедный жених устроил то еще представление. Вставая на одно колено, порвал сзади брюки, и все увидели его пятую точку, – вздохнула я, не решаясь посмотреть на Вулфа, чтобы увидеть его реакцию.

– Не может быть! – Мужчина расхохотался и хлопнул Вулфа по плечу.

Женщина тоже рассмеялась и послала ему улыбку, полную восхищения и вожделения. Я решилась взглянуть на Вулфа и увидела, как он с раздражением поджимает губы. В отличие от остальных, он не счел мою историю забавной.

Однако их отклик вернул меня в родную стихию, и мне не терпелось снова отколоть похожий номер. На мгновение я задумалась, а вдруг Вулф скажет им, что я соврала? Но подобное не в его стиле. Это был бы путь наименьшего сопротивления, а Вулф скорее походил на человека, предпочитающего долгую извилистую дорогу к победе.

– Хлопоты того стоили.

Он улыбнулся мне и притянул к себе так близко, что показалось, будто его тело поглотит меня целиком.

– Кроме того, – прошипел он уже для меня, его теплое, пахнущее мятой дыхание защекотало мне шею, – если бы невеста хоть немного меня знала, то была бы в курсе, что я никогда не преклоняю колена.

Какое-то время мы только и делали, что делились новостями о нашей помолвке, и все больше и больше гостей подходили нас поздравить, игнорируя при этом молодоженов. Бишоп-младшего и его невесту словно не волновало, что на них не обращают внимания. Они казались такими счастливыми, их глаза сияли любовью, и я лишь сильнее разозлилась на Вулфа за то, что он лишил меня возможности быть с моим истинным возлюбленным. Сенатор Вулф Китон выставил меня напоказ как породистую кобылу, хвастаясь мной, словно ценным приобретением. В животе урчало и бурлило от голода, и я изо всех сил старалась не дрожать как лист на ветру. В довершение ко всему Вулф толкал меня локтем, когда требовалось улыбаться, тянул к себе, когда я отстранялась, и предложил меня в рабство на три благотворительных мероприятия в ближайшие месяцы.

Привлекательные женщины не единожды подходили поздравить нас и, хихикая, совали ему в руку свои номера телефонов, думая, что я не замечу. Одна из них, посол ООН, даже напомнила, как чудесно они провели время в Брюсселе два года назад, и намекнула, что ненадолго задержится в городе.

– Нам стоит пропустить по стаканчику. Наверстать упущенное, – приторно-тягучим голосом с французским акцентом предложила красавица с волосами цвета красного дерева.

Вулф подарил ей улыбку Анджело. Ту, от которой молекулы в воздухе перемешиваются и трепещет сердце.

– Завтра утром с вами свяжется мой секретарь.

Мерзавец.

Все одобрительно высказывались о нашей помолвке и даже нормально восприняли разницу в возрасте. На самом деле никто не подверг сомнению наше внезапное обручение, кроме самого Престона Бишопа, сидевшего за нашим столиком на маскараде и ставшего свидетелем жесткой критики, которой подверг меня Вулф Китон. Но даже Бишоп ограничился лишь удивленным взглядом.

– Какой приятный сюрприз, – заметил он.

– И то верно, – парировал Вулф. – Похоже, жизнь полна сюрпризов.

Его слова прозвучали беззаботно, но в них скрывался глубокий смысл, которого я не могла уловить.

Каждый раз, когда меня представляли коллегам Вулфа, я придумывала другую историю о нашем обручении.

– Вулф забыл слова, а потом вдруг начал лепетать. Ему пришлось написать текст, но и тогда вышло несколько грамматических ошибок. Это было так мило.

– Предложение руки и сердца было очень романтичным. Вулф по старинке попросил моей руки у отца, и, когда я сказала «да», он заплакал. Это меня так растрогало. Если откровенно, он рыдал. Помнишь, Вулфи? Не помогали ни успокоительное, ни «Пина колада». Разумеется, я даже помыслить не могла, что это любимый коктейль моего будущего супруга.

– Я так рада выйти за сенатора. Мне всегда хотелось побывать в Вашингтоне. Вы знали, что «Нирвана» тоже родом из Вашингтона? Ой, погоди, милый, это ведь не тот Вашингтон, да?

Я была беспощадна. Даже когда Вулф сменил умеренное раздражение на безусловную ярость, а подергивающаяся жилка на подбородке подсказывала, что он сорвется на меня сразу, как мы окажемся наедине, я продолжала нести

чушь, которая ставила его в неловкое положение. А он, на людях истинный джентльмен, продолжал посмеиваться и подстраховывать меня, переводя разговор на тему работы и предстоящих выборов.

Знакомство с половиной светского общества Чикаго оказалось пустой тратой времени. Настолько, что мне не удалось разыскать родителей. По ощущениям прошел не один час, когда мы с Вулфом наконец добрались до нашего столика. Я села, шумно сглотнув и пытаюсь не свалиться в обморок от голода. Китон положил руку на спинку моего стула и пальцами легонько коснулся голого плеча. Новоиспеченная супружеская пара сидела за столом в центре зала и произносила тост. Рядом с нами расположились еще один сенатор, два дипломата и бывший секретарь штата. Я рыскала взглядом между столиками в поисках своей семьи. Я знала, что найду их после того, как подадут десерт и начнутся танцы, но ужасно хотелось хоть одним глазком взглянуть на маму.

Они оказались за столиком на другом конце зала. Папа, как обычно, походил на опасного головореза, и на усталость намекали лишь темные круги под глазами. Мама выглядела, как всегда, собранной, но я заметила то, на что остальные не обращали внимания. Как дрожал у нее подбородок, пока она разговаривала с сидящей напротив женщиной, или как тряслась ее рука, когда она тянулась за бокалом вина. Рядом с ними сидели родители Анджело, а рядом...

Сердце у меня замерло, а потом раздулось как воздушный шарик, готовый взорваться.

Анджело привел с собой женщину. И не просто какую-то женщину, а ту самую. С которой все его ожидали увидеть.

Ее звали Эмили Бьянки. Ее отец, Эммануэль Бьянки, был известным бизнесменом и неофициальным членом Синдиката. Эмили, с шелковистыми светлыми волосами и великолепными скулами, исполнилось двадцать три. Высокая и с большой грудью. Мое щуплое миниатюрное тело поместилось бы в ее ладошку. После меня Эмили была ближе всех по статусу к итало-американской знати, но, поскольку она была ровесницей Анджело, об их союзе догадывались и почти даже мечтали многие семьи в мафии.

Раньше я достаточно часто с ней общалась, и Эмили всегда относилась ко мне со смесью скуки и пренебрежения. Не то чтобы грубо, но достаточно неучтиво,

чтобы я понимала, насколько ей не по душе проявляемый ко мне интерес. На наши отношения повлияло и то, что Эмили училась вместе с Анджело и терпеть меня не могла за то, что я проводила с ним каждое лето.

На ней было плотно облегающее черное платье в пол с высоким разрезом на правом бедре. На ее шее и в ушах висело столько золота, что впору было открывать ломбард. Во время беседы с соседями по столу она крепко обхватывала руку Анджело. Мало заметный, но ревностный жест, от которого он не отказался, даже когда его взгляд метнулся через весь зал в мою сторону, сковав нас в своеобразной битве, в которой не будет победителя.

Я застыла на месте, а сердце в груди отбивало чечетку.

Воздух. Мне нужно больше воздуха. Больше места. Больше надежды. Ведь то, что я увидела в глазах Анджело, испугало меня сильнее, чем мой будущий муж. То было полное и безоговорочное принятие нашего положения.

Им обоим чуть больше двадцати лет.

Оба красивы, свободны и из одного социального круга.

Оба готовы к браку. Увы, пора признать поражение.

– Франческа? – Один из дипломатов, чье имя я не запомнила, хихикнул, пытаясь привлечь мое внимание к разговору.

Я отвела взгляд от Анджело и моргнула, смотря то на старика, то на своего будущего мужа. Лицо Вулфа было напряженным от досады, которая росла на протяжении всего вечера. Я поняла, что он не пропустил мгновение, которое я разделила со своим другом детства.

Я виновато улыбнулась и поправила платье.

– Не могли бы вы повторить вопрос?

– Не желаете ли поведать, как сенатор Китон сделал предложение? Должен заметить, он никогда не производил впечатление романтика, – сдавленно

засмеялся мужчина, поглаживая свою бородку в стиле Гарри Поттера.

У меня не осталось сил подначивать Вулфа. Я была слишком поглощена тем обстоятельством, что моя жизнь официально кончена, а Анджело женится на Эмили и тем самым воплотит в реальность мой самый страшный кошмар.

– Да, конечно. Он... он... сделал предложение на...

– На лестнице музея, – вмешался Вулф, с притворной нежностью потрепав меня за подбородок, отчего по коже поползли мурашки. – Не знаю, чем я заслужил ее пылкий поцелуй. Ты лишила меня способности дышать. – Он повернулся ко мне, посмотрев на меня своими серыми глазами, двумя омутами прекрасной лжи. Наши слушатели заохали, очарованные притягательной силой, с которой он на меня смотрел. – А я похитил твое сердце.

Ты похитил мой первый поцелуй.

Затем мое счастье.

А в итоге мою жизнь.

– Т-так и было. – Я промокнула шею льняной салфеткой, внезапно почувствовав тошноту и слабость, не в силах нанести ответный удар. Я чувствовала истощение оттого, что я не ела несколько дней. – Никогда не забуду тот вечер, – обронила я.

– Я тоже.

– Вы такая чудесная пара, – заметил кто-то. Мне стало так дурно, что я даже не заметила, мужчина это был или женщина.

Вулф ухмыльнулся и поднес к губам стакан с виски.

Нарочно – и, спору нет, сдуру – бросив ему вызов, я перевела взгляд на стол, за которым мечтала оказаться. Теперь Эмили водила пальцами с французским маникюром по руке Анджело. Он смотрел на нее, и на его губах появилась улыбка. Я заметила, что у нее получилось растопить его сердце, подав ему идею

об отношениях, а прикосновениями – ослабить его бдительность.

Эмили наклонилась, что-то прошептала Анджело на ухо и захихикала, а он снова метнул взгляд в мою сторону. Они говорят про меня? Я выставила себя полной дурой, так откровенно пялясь на них? Я схватила бокал шампанского, собираясь выпить его одним глотком.

Вулф обхватил мое запястье и остановил мою руку прежде, чем бокал коснулся губ. Это было спокойное, уверенное прикосновение. Безразличное и пугающее. Прикосновение мужчины.

– Милая, мы уже это обсуждали. Это настоящее шампанское. Взрослое, – сказал он с оттенком откровенной жалости в голосе.

Все сидящие за нашим столом дико загоготали.

– Вот вам и трудности брака с юными девушками, – фыркнул второй сенатор.

Вулф снисходительно приподнял бровь.

– Брак – дело тонкое. И кстати... – Он наклонился. Его равнодушие сменилось сопереживающей гримасой. – Вы оправились от развода с Эдной?

Теперь мой гневный румянец стал почти невыносимым. Мне хотелось придушить Вулфа. Придушить за его дурацкие приколы, за то, что принудил меня к браку, и за то, что чужими руками только что свел Анджело и Эмили.

Я поставила бокал с шампанским на стол и прикусила язык, чтобы удержаться от напоминания, что на балу, где мы познакомились, выпила гораздо больше, но тогда это его не сильно волновало. Вообще-то Вулф даже воспользовался моим опьянением, когда обманом вынудил с ним поцеловаться.

– Прошу меня извинить, – прокашлявшись, сказала я.

Не дожидаясь ответа, встала и направилась в уборную, прекрасно зная, что меня провожают взглядами как мой заклятый враг, так и Анджело с моими родителями и их взоры нацелены на меня подобно заряженному ружью.

Уборные находились в конце банкетного зала. Комнаты для джентльменов и дам располагались напротив друг друга, под внушительной изогнутой лестницей из кованого железа. Я зашла, привалилась к стене, закрыла глаза и, насколько мне позволяла затянута в корсет грудь, принялась глубоко дышать.

Дыши.

Просто дыши.

Мне на плечо легла чья-то рука, а ключицу обхватили тонкие пальцы. Я резко открыла глаза и, взвизгнув, отпрыгнула, ударившись головой о кафельную плитку.

– Господи помилуй!

Это была мама. Вблизи ее лицо казалось настороженным, постаревшим и почти чужим. словно за одну ночь она стала старше лет на десять. Гнев, который я к ней питала последние три дня, улетучился. Ее глаза покраснели и опухли от слез, а в обычно великолепной копне каштановых волос появились седые волоски.

– Как дела, *vita mia*?

Вместо ответа я кинулась ей в объятия, захлебнувшись слезами, которые сдерживала с той минуты, как Вулф усадил меня в свой блестящий черный «Кадиллак». Разве могла я не быть к ней снисходительнее? Мама казалась такой же несчастной, какой чувствовала себя я.

– Ненавижу тот дом. Я не ем. Почти не сплю. И в довершение всего... – я шмыгнула носом и, отстранившись от мамы, для выразительности посмотрела ей в глаза, – Анджело теперь встречается с Эмили. – Я чувствовала, как от волнения тарашу глаза.

– У них всего лишь первое свидание, – заверила мама и, обхватив меня руками, похлопала по спине.

Я затрясла головой, уткнувшись носом в ее шею:

- Не понимаю, почему меня вообще это волнует. Я выхожу замуж. Все кончено.

- Солнышко...

- Почему, мама? - Я снова выскользнула из ее объятий и поплелась к великолепным раковинам, чтобы оторвать немного бумаги прежде, чем у меня потечет макияж. - Что на папу нашло, почему он так поступил?

Я смотрела на нее в отражении зеркала. Ее плечи поникли в немного свободном ей черном платье, и я поняла, что она тоже плохо питалась.

- Твой отец редко делится со мной своими замыслами, но, поверь, ему тоже нелегко далось это решение. Мы до сих пор потрясены случившимся. Нам лишь хочется, чтобы ты искренне дала шанс сенатору Китону. Он хорош собой, богат, у него отличная должность. Ты не можешь выйти за человека ниже себя по положению.

- А выхожу за монстра, - процедила я.

- Ты можешь быть счастлива, amore.

Я покачала головой, а потом запрокинула ее и громко расхохоталась. Не маме это объяснять. У нее связаны руки. Я испытывала много негативных эмоций к отцу, но делиться своими мыслями и тем более заявлять о них во всеуслышание - все равно что лить цианистый калий на открытую рану. Мамин взгляд заметался между мной и дверью, и я поняла, о чем она думает. Нам пора выходить. Люди начнут задавать вопросы. Тем более когда увидят, что я плакала. Для мафии жизненно необходимо соблюдать приличия. Папина репутация может оказаться под угрозой, если начнут подозревать, что молодой перспективный сенатор, что недавно вышел на сцену, хорошенько его прижал.

Мама открыла сумочку и что-то пихнула мне в руку.

- Я нашла это под горой грязного белья в твоей комнате. Воспользуйся им, *vita mia*. Примирись со своей новой жизнью, потому что она не так уж плоха. И ради всего святого, ешь!

Она вылетела из уборной, оставив меня с протянутой рукой изучать возвращенный предмет. Это был мой мобильник. Дорогой мне мобильник. С полной зарядкой и кучей сообщений и пропущенных звонков. Я хотела все их прочитать – наедине, когда выпадет свободная минутка. Мое предположение, что сенатор Китон сознательно лишил меня права на доступ к телефону, было несколько смелым, поскольку лично такого вопроса я ему не задавала. Однако Вулф продемонстрировал не самое утонченное ухаживание, шантажом выманив у моего отца мои руку и сердце, так что никто не посмел бы обвинить меня в поспешных суждениях.

Я выкинула использованную салфетку в мусорное ведро и выскочила в темную нишу под лестницей. Мои высоченные каблуки цокали по мраморному полу, и я успела сделать лишь два шага, когда оказалась прижатой к зеркалу высокой худощавой фигурой. Я простонала и медленно открыла глаза, чувствуя, как стихает боль в спине от удара о зеркало.

Анджело поставил руки по обеим сторонам от моей головы и прижался ко мне всем телом. Грудью он легонько задевал обнаженную часть моего декольте, и наши сердца бились в унисон, а дыхание смешалось.

Он разыскал меня. Пришел за мной. Он до сих пор меня желал.

– Богиня, – прошептал он, коснувшись моей щеки и прижавшись к моему лбу своим.

Его голос был пропитан эмоциями, и дрожащими руками я впервые обхватила его лицо. Анджело прижал большой палец по центру моих губ.

Я вцепилась в лацканы его пиджака, понимая, о чем прошу, и все равно умоляя. Желание, чтобы он обнял меня, было сильнее необходимости поступить ради нас по совести. Я жаждала, чтобы он сказал, что Эмили ему никто, даже если это будет нечестно по отношению к ней. Или к нему. И даже ко мне.

– Я чуть не умер от волнения. – Анджело беззастенчиво водил своим носом по моему. За долгие годы нашего знакомства это было самым интимным прикосновением, от которого вкупе с моей голодовкой у меня каруселью закружилась голова.

Я кивнула, но промолчала.

– Ты разучилась брать трубку. – Он стиснул мою руку, держащую телефон, и для пущей убедительности сжал ее.

– Я впервые взяла его в руки с маскарада, – выдохнула я.

– Почему ты так поступила? – спросил Анджело, практически вжимаясь в меня своим телом.

Мои угрызения совести сменила паника. А если Анджело притронется ко мне так, как никогда не осмеливался коснуться в прошлом, потому что ему больше нечего терять? Отцу не за что будет его осудить, потому что Анджело никогда не придется предстать перед Артуром Росси и просить у него моей руки.

Мне отчаянно хотелось дать объяснения своей скоропалительной помолвке. Но вместе с тем я понимала, что если отцу не удалось ее предотвратить, то и Анджело помочь мне не в силах. Я не хотела, чтобы мы становились несчастными влюбленными, которые встречаются тайком и украдкой целуются. Утопают в запретной любви. Я мало что знала про своего будущего мужа, но в одном была уверена: если дискредитирую его, он отплатит мне тем же и пострадают мои близкие. Я не против принять на себя его гнев, но Анджело не заслужил наказания.

– Анджело. – Я провела руками по его груди. Никогда еще не трогала так мужчину. Так откровенно. Его грудные мышцы напряглись под кончиками моих пальцев, и даже через ткань костюма я почувствовала, какой он горячий.

– Скажи, – взмолился он.

Я покачала головой:

– Мы подходим друг другу.

– Это мы с тобой подходим, – возразил он. – А Китон – дерьмо.

Я засмеялась сквозь слезы, от которых перехватывало дыхание.

– Мне ужасно хочется тебя поцеловать, богиня. – Анджело обхватил меня сзади за шею и наклонился за своей добычей, уже не такой любезный, чуткий и задорный, как раньше. Он пытался переубедить меня, на что я уже купилась.

– Тогда советую поторопиться, потому что через восемнадцать дней она станет замужней женщиной и у меня будет полное право переломать тебе пальцы, если снова ее коснешься, – прогрохотал за спиной Анджело безразличный и грозный голос.

Я ошарашенно опустила руки с груди Анджело, и ноги от удивления подкосились. Анджело поймал меня за талию, предотвратив падение. Горящее в его глазах темное желание погасло, когда он повернулся к Вулфу. Мой будущий муж тем временем невозмутимо направился в мужскую уборную, не возмущаясь от развернувшейся у него на глазах демонстрации чувств. Он был выше, шире и мрачнее Анджело и к тому же на десять лет старше. От Вулфа веяло силой, с которой стоило считаться. Власть, которой он обладал, была почти осязаема, и мне пришлось прикусить щеку, чтобы не начать извиняться за эту сцену. Вместо того чтобы опустить глаза, я подняла их, отказываясь признавать поражение.

Анджело посмотрел ему прямо в глаза.

– Сенатор Китон, – выплюнул он.

Вулф остановился между уборными. Я чувствовала его величественное тело, пока он оглядывал нас, с невозмутимым хладнокровием оценивая ситуацию.

– Я серьезно, Бандини, – хрипло произнес Вулф. – Если хочешь поцеловать на прощание мою невесту, сегодня тебе представился такой случай. Наедине. При следующей нашей встрече я не буду таким снисходительным.

С этими словами он коснулся кончиками пальцев моего обручального кольца, не так уж тонко напоминая, кому я принадлежу, и по моему телу пошла дрожь. Вулф исчез за дверью уборной прежде, чем я успела перевести дыхание. Я думала, Анджело сбежит сразу же, как Вулф отвернется, но ошиблась.

Вместо этого он снова прижал меня к зеркалу и покачал головой.

- Почему? - спросил Анджело.

- А почему Эмили? - ответила я вопросом на вопрос и задрала голову.

- Ты единственная знакомая мне женщина, которая в такую минуту может поднять тему Эмили. - Он сжал руку в кулак и стукнул рядом с моей головой.

Я подавила удивленный взглас.

- Я пришел с Бьянки, потому что ты обручена и скоро выходишь замуж. - Анджело облизнул губы, пытаясь укротить свои эмоции. - А еще потому, что ты выставила меня на посмешище. Все ждали, что мы со дня на день объявим о помолвке. Абсолютно каждый урод в Синдикате. И вот что в итоге: ты сидишь в другом конце зала за столом с секретарем штата, в объятиях Вулфа Китона, который разыгрывает из себя преданного жениха. Мне нужно было сохранить репутацию. Репутацию, которую ты растоптала своими прелестными обольстительными ножками. И знаешь, что хуже всего, Франческа? Ты даже не сказала мне почему.

Потому что моего безвольного отца шантажировали.

Но я знала, что не могу такое сказать. Это признание уничтожит мою семью, а я хоть и презирала теперь отца, все же не могла его предать.

Не отдавая отчета своим действиям, я обхватила ладошками щеки Анджело и улыбнулась сквозь слезы, которые вовсю бежали по моим щекам, догоняя друг друга.

- Ты всегда будешь моей первой любовью, Анджело. Всегда.

Моего лица коснулось его резкое дыхание, теплое и с ароматом сладкого терпкого вина.

- Поцелуй меня как полагается, - дрожащим голосом попросила я, потому что, когда меня целовали в последний - и в единственный - раз, все вышло ужасно.

– Я поцелую тебя так, чтобы не рисковать своим сердцем, Франческа Росси. Так, как ты заслуживаешь.

Анджело наклонился и прижался губами к кончику моего носа. Я чувствовала, как дрожит от слез его тело, почти ломая кости. Все эти годы. Все те слезы. Бессонные ночи в предвкушении. Каждое лето отсчет недель, дней и минут до следующей встречи. Игры в реке вплотную друг к другу. Сплетенные под столом пальцы в ресторанах. Все эти мгновения свились в один невинный поцелуй, а мне так хотелось претворить в жизнь свой замысел, придуманный на маскараде. Запрокинуть голову. Коснуться его губами. Но все же я понимала, что никогда себя не прощу, если угроблю ему подобный миг с Эмили. Я не могу омрачить начало их отношений только потому, что мои были обречены с самого начала.

– Анджело.

Он прижался своим лбом к моему, и мы закрыли глаза, смакуя сладостную горечь этого момента. Наконец-то вместе, дышим одним воздухом. Только навеки оторваны друг от друга.

– Может, в следующей жизни, – произнесла я.

– Нет, богиня, непременно в этой.

С этими словами Анджело развернулся и исчез в темном коридоре, а я немного подышала, чтобы успокоиться, и вышла из проема, готовая держать удар. Когда дрожь в теле прошла, я прочистила горло и зашагала к своему столику.

С каждым шагом я пыталась придать походке больше уверенности. Улыбалась чуть шире. Спину выпрямила. Увидев свой стол, я не нашла за ним Вулфа. Я стала рыскать глазами в поисках его, и в душе зароились раздражение и ужас. Мы так неловко разминулись, что я не знала, чего ожидать. Отчасти я надеялась – молилась, – что он устанет от меня и расторгнет сделку с отцом.

И чем яростнее я выискивала его высокую фигуру, тем быстрее билось в груди мое сердце. А потом я его нашла.

Мой будущий супруг, сенатор Вулф Китон, изящно скользил по залу. Чуть поотстав, за ним семенила высокая и соблазнительная Эмили Бьянки. Ее бедра покачивались как манящий запретный плод, а волосы были светлыми и блестящими – совсем как у ее спутника на маскараде. Никто не заметил, что ее щеки были покрыты румянцем. Как они шли поодаль друг от друга, но в одном направлении.

Эмили первой скрылась за тяжелыми черными шторами, незаметно исчезнув из банкетного зала.

Вулф остановился, пожал руку пожилому, на вид обеспеченному мужчине и минимум десять минут вел с ним непринужденную беседу, после чего шагнул в сторону и продолжил путь из банкетного зала.

Словно почувствовав на себе мой взгляд, Вулф повернул голову и среди сотен гостей нашел меня. Он подмигнул, и губы его не дрогнули, когда он бросился к своей цели.

В жилах закипела кровь. Пока я обуздывала свою страсть к ее спутнику, Эмили удалось уломать моего будущего мужа на перепихон.

Я приросла к полу, сжав руки в кулаки. Сердце стучало так громко, что вот-вот выскочило бы на пол и задергалось как выброшенная на берег рыба.

Вулф и Эмили предали нас.

Неверность имела вкус.

Она была горькой.

Кислой.

И даже немного сладкой.

Но самое главное – она преподала мне важный урок. Что бы ни происходило между всеми нами, оно больше не было священно. Наши сердца опорочены. Запятнаны. И виновны.

До неприличия непредсказуемы.

И рано или поздно будут разбиты.

Глава пятая

Франческа

На следующее же утро я вышвырнула шоколад «Годива» в мусорное ведро на кухне. Надеюсь, Вулф обратит на это внимание. Я умышленно вытащила из кровати ослабевшее от голода тело, ведомая самым сильным на свете голодом – жадой мести.

Обнаруженных на моем телефоне сообщений хватило, чтобы распалить меня. Они были отправлены в ночь после маскарада, в ту самую ночь, когда я силилась не доставать телефон, боясь, что стану умолять Анджело и выставлю себя на посмешище.

Анджело: Не желаешь ли объяснить тот поцелуй?

Анджело: Направляюсь к твоему дому.

Анджело: Твой отец только что запретил мне снова приходить, потому что ты скоро обручишься.

Анджело: Обручишься.

Анджело: И не со мной.

Анджело: Знаешь, что? Пошла к черту, Франческа.

Анджело: ПОЧЕМУ?

Анджело: Причина в том, что я выжидал год? Твой отец сам мне велел. Я каждую неделю приходил и просил о свидании.

Анджело: Это всегда была ты, богиня.

Это было последнее его сообщение.

Прием пищи по-прежнему не входил в мой распорядок дня. Я услышала, как мисс Стерлинг жаловалась на это Вулфу по телефону, когда пробежала мимо в своем цветочном шифоновом платье с запахом, которое все больше висело на моем худеющем день ото дня теле. Тут мой желудок сдался и окончательно перестал урчать. Вчера, когда Вулф был занят с Эмили, я заставила себя проглотить украдкой несколько кусочков хлеба, но они едва ли утолили мое измученное нутро. Подсознательно я надеялась, что свалюсь в обморок или случится что-нибудь пострашнее, и меня увезут в больницу, после чего, возможно, отец наконец подведет черту этому затянувшемуся кошмару. Увы, надеяться на чудо было не только опасно, но и тяжело. Чем дольше я жила в этом доме, тем больше верила в людскую молву: сенатор Китон рожден для величия. Я стану первой леди и наверняка раньше, чем мне исполнится тридцать. Сегодня Вулф встал спозаранку, чтобы без опозданий добраться до местного аэропорта, и даже планировал уехать на выходные в Вашингтон на несколько важных встреч.

Он не внес меня в свои планы, и я сильно сомневалась, что его встревожит моя смерть. Разве что досадный заголовок мог бы его взволновать.

Под увитым плющом окном моей комнаты, спрятавшись в самом центре сада, я ухаживала за своими новыми растениями и овощами и поражалась, как им удастся прожить пару дней без воды. Лето стояло суровое, намного жарче привычного для Чикаго августа. Впрочем, в последние недели все пошло наперекосяк. Погода словно подстроилась под обломок моей потрепанной жизни. Однако мой новый сад не унывал, и, присев на корточки, чтобы переполоть посаженные томаты, я поняла, что тоже живучая.

Я отнесла два мешка с удобрениями под свое окно и, порывшись в небольшом сарае в углу сада, нашла несколько старых семян и пустые горшки. Очевидно, тот, в чьи обязанности входила забота об этом саде, получил инструкции, чтобы он выглядел ухоженным и милым, но на этом все. Сад был зеленым, но скрытым.

Красивым, но невыразимо печальным. Почти такой же, как и его хозяин. Однако, в отличие от его пресловутого хозяина, я жаждала восстановить сад своей тягой к садоводству. У меня было полно любви и заботы, но некому и нечему было их дарить.

Аккуратно разложив все инструменты, я внимательно посмотрела на ножницы в своей руке. Я умыкнула их из сарая, объяснив мисс Стерлинг, что мне нужно разрезать мешок с удобрениями, и дождалась, пока хрупкая пожилая женщина отвернется. Теперь, когда лезвия ножниц сверкали на солнце, а ничего не подозревающая мисс Стерлинг распекала на кухне бедного повара за то, что тот купил не ту рыбу на ужин, и все же надеялась, что я почту сенатора Китона присутствием на ужине, мне наконец-то подвернулся случай.

Я прокралась обратно в дом, прошла через блестящую хромированную кухню и, перепрыгивая через ступеньки, прошмыгнула в спальню Китона, находящуюся в западном крыле. Я уже бывала здесь, когда подслушала его разговор с той красивой журналисткой, так что торопливо впрорхнула в спальню Вулфа, зная, что его не будет по меньшей мере еще час. Даже роскошный образ жизни и частный самолет не помогут ему миновать чикагские пробки.

Если моя комната сверкала роскошью старого доброго Голливуда, то спальня Вулфа была изысканной, но сдержанной. Широкие окна закрывали эффектные черно-белые гардины, изголовье кровати было обито стеганой черной кожей, а по обеим сторонам от нее стояли тумбочки угольного цвета. Стены были темно-серыми под цвет его глаз, а по центру потолка висела одинокая хрустальная люстра, которая словно кланялась в ноги могущественному мужчине, жившему в этой комнате.

У него не было ни телевизора, ни комода, ни зеркал. Зато тут стоял барный шкаф, что меня не удивило: Вулф женился бы на выпивке, будь это легализовано в штате Иллинойс.

Я устало поплелась в гардеробную и, распахнув двери, с вновь вернувшимися силами звонко защелкала ножницами. Черные дубовые полки особенно выделялись на фоне пола из белого мрамора. Дюжины безупречно отутюженных и готовых к носке костюмов, разделенных по цветам, крою и фасонам, висели аккуратными тесными рядами.

У Китона были сотни скрупулезно сложенных шарфов, такое количество обуви, что смело можно открывать магазин Bottega Veneta, а также уйма блейзеров и курток. Я знала, с чего начать поиски. На вешалке висело полным-полно галстуков. Я невозмутимо принялась резать на половинки эти люксовые полоски ткани, испытывая странное удовольствие при виде падающих к моим ногам кусков, подобно желтым и оранжевым осенним листьям.

Щелк-щелк-щелк.

Этот звук ласкал душу до такой степени, что я забыла о своем диком голоде. Вулф Китон трахнул спутницу Анджело. Я не могу и не стану мстить ему за ошибки собственной изменой, но лично прослежу, чтобы завтра утром ему нечего было надеть, кроме тупой надменной ухмылки.

Разрезав все галстуки, я переместилась на его крахмаленные рубашки. Вулфу хватило дерзости предположить, что я захочу к нему прикоснуться. Эта мысль вызвала у меня горечь, пока я разрезала дорогие выглаженные ткани кремового, белоснежного и светло-голубого цветов. Предполагалось, что мы консумируем наш брак. Но, несмотря на привлекательность Вулфа, я питала отвращение к его разгульному образу жизни, отвратительной репутации и к разнообразию женщин, с которыми он успел переспать к своим тридцати годам. Не говоря уж о том, что я, к своему смущению, практически не имела опыта.

И под отсутствием опыта я имела в виду девственность.

Нет, быть девственницей не преступление, но я таковой свою невинность и считала, зная, что Вулф воспользуется этими сведениями против меня, заострив внимание на моих наивности и простодушии. В мире, который меня окружал, я не имела права оказаться не девственницей. Родители требовали, чтобы я хранила целомудрие вплоть до свадьбы, и у меня не возникало проблем в удовлетворении их запроса, поскольку меня не привлекал секс с нелюбимым человеком. Я собиралась решить проблему своей девственности, когда наступит подходящее время. Если оно вообще когда-нибудь наступит.

Я так сосредоточилась на своей миссии по уничтожению одежды и галстуков, стоящих десятки тысяч долларов, что даже не услышала звука шагов, когда Вулф зашел в комнату. На самом деле я заметила его, только когда он остановился у двери в спальню и ответил на телефонный звонок.

– Китон.

Пауза.

– Что он сделал?

Пауза.

– Я лично прослежу, чтобы он и на шаг не сдвинулся из этого города без обыска полицейского департамента Чикаго.

С этими словами Вулф закончил разговор.

Твою мать! Бросив ножницы на пол, я вскочила, собираясь удрать, и захлопнула открытый ящик с часами, попутно что-то уронив. Я побежала из гардеробной, резко распахнула двойные двери, и как раз в эту же секунду в комнату зашел Вулф, продолжая хмуро смотреть на свой телефон.

Я впервые увидела его со вчерашней свадьбы. Испарившись вместе с Эмили, он вернулся через двадцать минут и сообщил, что мы уходим. Поездка домой прошла в полной тишине. Я без утайки отправила сообщение кухне Андреа, но Вулфу, похоже, было плевать. Когда мы вернулись домой (это не твой дом, Фрэнки!), я отправилась к себе в комнату, громко хлопнула дверью и на всякий случай заперла ее на замок, решив не доставлять ему удовольствия расспросами про Эмили. На самом деле я вообще не показывала вида, что меня это взволновало. Хоть отчасти.

Теперь же, когда он стоял прямо передо мной, я поняла, что реакцией на его интрижку с Эмили не заработала ни одного дополнительного очка в нашей битве. Все козыри у него на руках. Я инстинктивно сделала шаг назад и шумно сглотнула.

Губы у него были по-прежнему плотно поджаты, а властный равнодушный взгляд прошелся по моему телу так, словно я заявила к нему голышом, чтобы отдаться по собственной воле. Сегодня на Вулфе были удобные брюки серого цвета, а также он отказался от блейзера в пользу белой рубашки, закатав ее рукава до локтей.

– Соскучилась? – безучастно спросил он и прошмыгнул мимо меня.

От ужаса я резко захохотала, поняв, что Китон мог заметить разбитую перевернутую рамку, которую я опрокинула при попытке бегства, и испорченную одежду, что ждала его в гардеробной. Едва Вулф повернулся ко мне спиной, я на цыпочках стала выходить из комнаты.

– Даже не думай, – предупредил он и, все так же стоя ко мне спиной, щедро наполнил свой бокал у бара возле окна, из которого открывался вид на центр города. – Будешь виски?

– Ты вроде сказал, что мне нельзя пить, – съязвила я, удивленная так легко просочившемуся в мой голос сарказму.

Этот особняк меня изменил. Я стала бесчувственной и телом, и душой. Моя нежная кожа цеплялась за нестигаемые кости, из полной оптимизма девушки я превратилась в циника, а сердце покрылось коркой льда.

– За пределами этого дома пить тебе нельзя. Ты выходишь за сенатора, и тебе еще не исполнилось двадцати одного года. Ты хоть осознаешь, как плохо это отразится на моей репутации?

– Разве справедливо, что выйти замуж можно в восемнадцать, а пить – только с двадцати одного? Один жизненный выбор существенно важнее другого, – нервно трепалась я, застыв на месте и смотря на его широкую спину.

Вулф регулярно качался, и это было заметно. Каждое утро я слышала, как, заходя в дом, напевал песенки из восьмидесятых его личный тренер. Вулф ежедневно тренировался в течение часа в своем подвале, а когда выпадала свободная минутка перед ужином, выходил на пробежку.

Он развернулся ко мне лицом, держа в ладони два стакана с виски, и протянул один мне. Я сделала вид, что не заметила его мирного предложения, и скрестила руки на груди.

– Нем, ты пришла, чтобы обсудить установленный законом возраст употребления алкоголя?

И снова эта дурацкая кличка. Какая ирония, что Вулф зовет меня Немезидой. Потому что он ужасно самовлюбленный, и, в точности как с Нарциссом, я с радостью придушила бы его, даруя вечный покой.

– Почему бы и нет? – продолжала я, пытаюсь отвлечь его от гардеробной и лежащей посреди нее горы разрезанной одежды и галстуков. – Ты ведь многое можешь поменять, верно?

– Ты хочешь, чтобы я изменил закон и тебе можно было пить на публике?

– После вчерашнего, думаю, я заслужила право на крепкий напиток везде, где присутствуешь ты.

Что-то в его глазах забрезжило, но быстро пропало. Намек на веселье, хотя мне не удалось уловить, что это было. Вулф поставил стакан для меня на барную стойку, прислонился к ней и внимательно на меня посмотрел. Вращая стакан с янтарного цвета жидкостью, он скрестил ноги в щиколотках.

– Ты довольна? – хриплым голосом спросил Китон.

– Что?

– Моей гардеробной.

Я почувствовала, как заливаюсь румянцем, и возненавидела свое тело за предательство. Ради всего святого, вчера Вулф переспал с другой женщиной! И хорошенько позабавился, ткнув меня в это носом. Мне бы заорать на него, ударить, бросить что-нибудь, но я физически измотана голодом и морально поражена известиями о нашей помолвке. Закатить ему истерику – заманчивая перспектива, но у меня совершенно нет на это сил.

Я пожала плечами:

– Видала больше, лучше и элегантнее.

– Рад, что ты разочарована, поскольку после свадьбы ты в эту спальню не переберешься, – насмешливо сообщил он.

– Однако, полагаю, ты не против, если я буду ложиться с тобой в одну постель, когда выдастся настрой для минутного супружеского счастья? – спросила я тем же язвительным тоном и задумчиво погладила подбородок.

Я наслаждалась триумфом, когда он бросил взгляд на мои пальцы и обнаружил, что я не надела обручального кольца.

– Беру свои слова обратно. У тебя действительно твердый характер. Правда, его я могу сломать как куриную косточку. – Вулф гордо улыбнулся. – И все же он у тебя есть.

– Ну-ну, спасибо за признание. Как ты знаешь, для меня нет ничего более ценного, чем твое мнение обо мне. Разве что грязь под моими ногтями.

– Франческа, – мое имя плавно слетело с его языка, словно Вулф произносил его триллион раз. Может, так и было. Может, я входила в его план с тех пор, как вернулась в Чикаго. – Иди в гардеробную и жди, пока я допью. Нам есть что обсудить.

– Я не подчиняюсь твоим приказам, – подняв голову, заявила я.

– У меня есть к тебе предложение. И ты будешь дурой, если не согласишься. А поскольку я не веду переговоров, то это будет первое и единственное предложение, которое я тебе сделаю.

В голове сразу возникла куча идей. Вулф отпустит меня? Он же переспал с другой женщиной. Он видел, как я практически тискаюсь со своим другом детства. И, конечно, увидев бардак, что я натворила в его гардеробной, он станет еще хуже ко мне относиться, если таковое вообще возможно. Я вошла в гардеробную, присела и подняла ножницы, чтобы в случае чего обороняться. Прижавшись спиной к выдвижным ящикам, я попыталась выровнять дыхание.

Послышался звон стакана, поставленного на стеклянную стойку, а потом приближающиеся шаги. Пульс у меня зашкалил. Вулф замер на пороге и бесстрастно посмотрел на меня. Его подбородок напоминал гранит, а глаза – сталь. Груда одежды на полу доходила мне до голеней. И спрашивать не нужно, как я провела большую часть дня.

– Ты в курсе, сколько денег выбросила на помойку? – спросил Вулф тем же сдержанным и отстраненным голосом.

Его не волновала испорченная одежда, и оттого я почувствовала безнадегу и растерянность. Вулф казался неуязвимым и недосыгаемым, как одинокая звезда в небе, что ярко мерцала в другой галактике и уплывала от моих жадных рук, которые требовали реванша.

– Этого мало, чтобы отплатить за мою гордость. – Я пощелкала лезвиями ножниц, чувствуя, как раздуваются от гнева крылья носа.

Китон сунул руки в карманы и прислонился к дверному косяку.

– Что тебя гложет, Немезида? Мысль, что твой парень привел вчера спутницу или что я ту самую спутницу трахнул?

Вот я и получила от него признание. Меня почему-то одолевали сомнения насчет Китона и Эмили. Но теперь все стало по-настоящему, и это было больно. Господи, не должно же быть так больно. Как будто меня пнули в живот. Предательство от кого бы то ни было что-то ломает в вашей душе, а потом приходится жить с этими обломками.

Сенатор Китон мне никто.

Нет. Это тоже неправда.

Он являл собой все плохое, что могло со мной произойти.

– Конечно, Анджело, – недоверчиво фыркнула я и схватила ножницы покрепче. Вулф бросил взгляд на мою побелевшую руку, в которой я сжимала свое оружие, и ответил мне ухмылкой, говорящей, что он может обезоружить меня в мгновение ока, не применяя силу.

– Лгунья, – безучастно произнес он. – И к тому же паршивая.

– С чего я буду ревновать тебя к Эмили, если ты сам не ревновал, когда Анджело загнал меня в угол? – Я задыхалась от подступающих слез.

– Во-первых, она изумительна в постели, и Анджело очень повезло, что в его распоряжении есть такой сладкий опытный ротик, – провоцировал меня Вулф, расстегивая верхнюю пуговицу на рубашке.

Я почувствовала, как кровь стынет в жилах, а температура тела становится выше. Вулф никогда не говорил со мной с сексуальным подтекстом, и до этой минуты наш брак скорее напоминал наказание, чем настоящие отношения. Расстегнулась вторая пуговица, и я увидела поросль темных волос.

– Во-вторых, на самом деле я не был рад вашему небольшому проявлению чувств и дал тебе шанс попроситься должным образом. Что, судя по тому, как вы обнимались, когда я вышел из уборной, ты охотно и делала. Тебе понравилось?

Я уставилась на него, пытаюсь понять, что Вулф имеет в виду. Он думал, что мы с Анджело?.. Боже, он правда так думал. Его равнодушное лицо больше не скрывало той эмоции, что я заметила в его глазах. Вулф думал, что на свадьбе я переспала с Анджело, и отомстил за преступление, в котором даже не стал меня обвинять.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Американский фильм-буффонада с участием четырех братьев актеров Маркс, вышедший в 1933 году.

2

Район в Маленькой Италии – собирательное название кварталов, где проживают итальянские эмигранты.

3

Фреска на потолке Сикстинской капеллы в Ватикане, написанная Микеланджело.

4

Жизнь моя (итал.).

5

Великолепная миля (Magnificent Mile) – одна из самых знаменитых торговых улиц в мире, расположенная на участке Мичиган Авеню (Michigan Avenue) к северу от реки Чикаго (Chicago River). На Великой миле находится множество магазинов, торговых центров, ресторанов, отелей и достопримечательностей Чикаго.

Купити: https://tellnovel.com/shen_l-dzh/pohititel-poceluev

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)